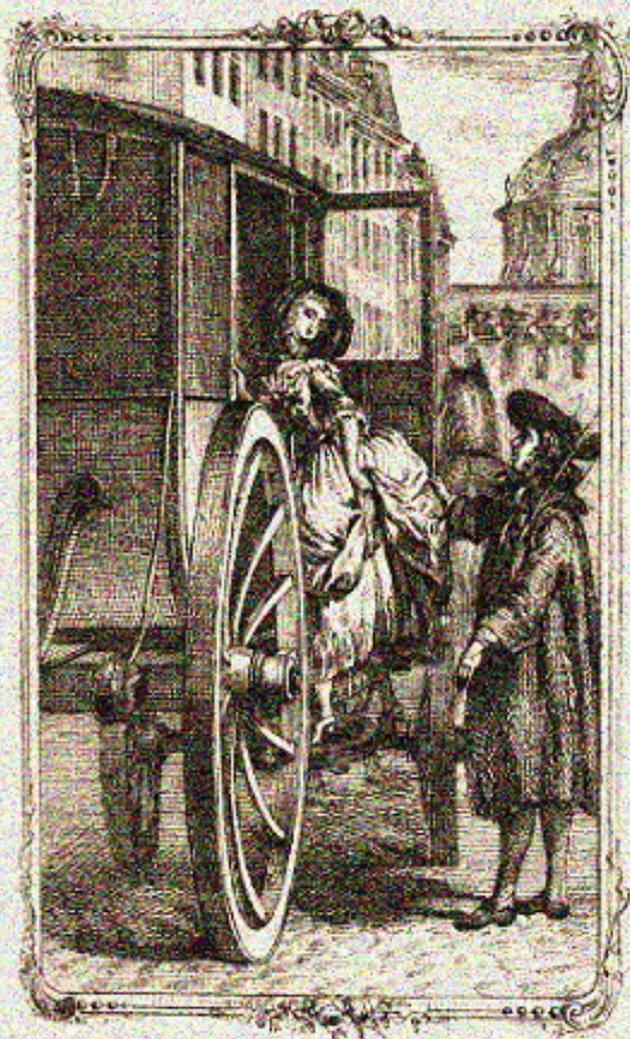

Анн Клод де Шюбьер,
граф де Келвос

Повести Вильгельма,
извозчика парижского

ТЕМНЫЕ СПРАСКИ

SALAMANDRA P.V.V.

Анн Клод де Тюбьер,
граф де Келюс

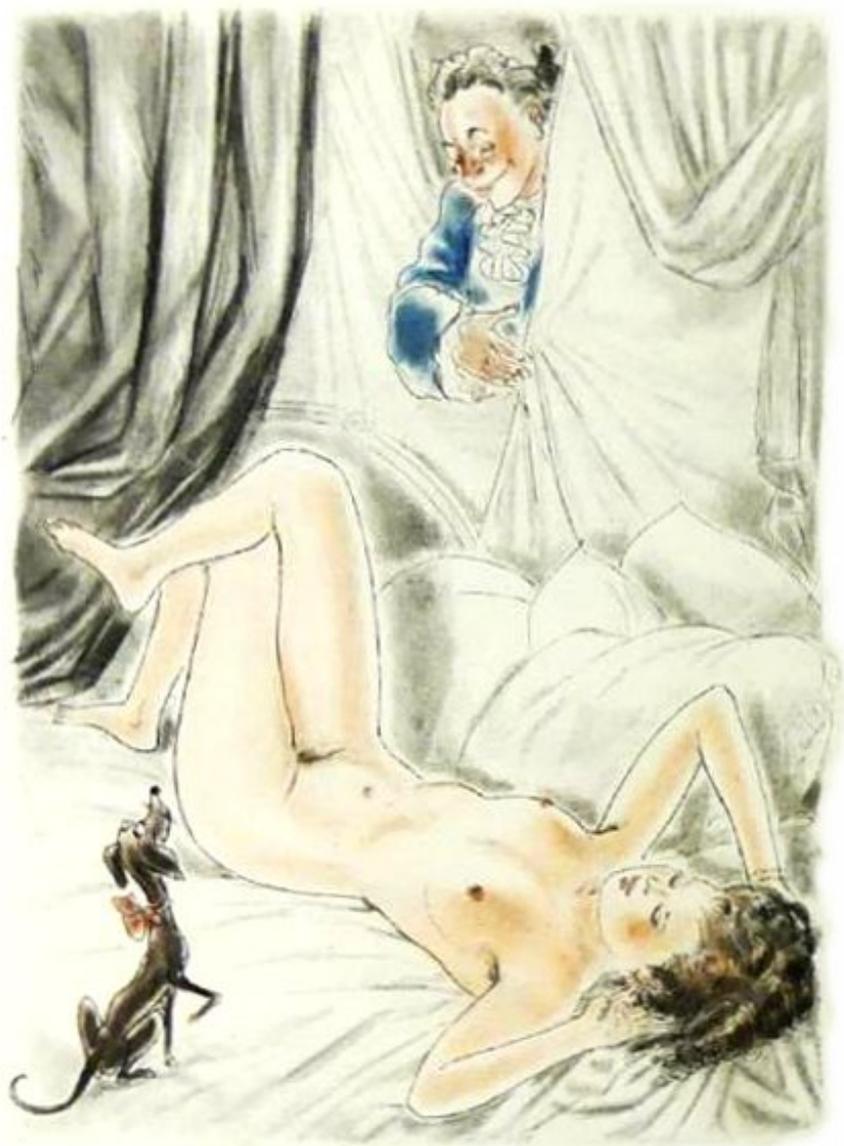
**ПОВЕСТИ
ВИЛЬГЕЛЬМА
ИЗВОЗЧИКА
ПАРИЖСКОГО**

Salamandra P.V.V.

Келюс А. К. де Тюбьер, граф

Повести Вильгельма, извозчика парижского. Пер. с фр. В. Вороблевского. Подг. текста и послесл. А. Шермана. Илл. Шема. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 70 с., илл. — (Темные страсти).

«Повести Вильгельма, извозчика парижского» графа де Келюса сегодня, вероятно, покажутся читателю достаточно невинными. Но в свое время эта книга, переведенная на русский язык крепостным литератором Шереметевых В. Вороблевским, считалась одним из самых скабрёзных изданий XVIII в. и почти мгновенно после выхода в свет обрела статус исключительной библиографической редкости.

**ПОВЕСТИ ВИЛЬГЕЛЬМА,
ИЗВОЗЧИКА ПАРИЖСКОГО**

П О В Ъ С Т И
ВИЛЬГЕЛЬМА

ИЗВОЗЧИКА ПАРИЖСКАГО.

Переведены съ Французскаго.

П е ч а т а н ы
въ Большемъ Успенскомъ Селѣ,
1000700805 года.

Известному
ОТМЕННОМУ
СЛАВНОМУ
МОСКОВСКОМУ
извозчику
АЛЕКСЕЮ ЧИСТЯКУ

Друг мой!

Извини меня, что я не имел с тобой знакомства и, не узнав, угодно ль тебе будет сие мое приношение, отважился я приписать сей мой перевод имени твоему. Я считаю тебя сведущим понаслышке о употреблении при издании книг, к которым всегда прилагаются или Предисловия, или приписывания кому-нибудь; почему и предпринял я перевод мой Французского извозчика Московскому посвятить, не с тем, чтоб ты учился у него править лошадьми, но чтоб, подражая ему, выдал ты в свет бываемые в твоём присутствии различные приключения с твоими ездоками; коих, я думаю, довольно ты имеешь в памяти, и можешь ими повеселить твоих земляков, в числе которых нахожусь и я

Ваш Всегдашний.

ПРЕДИСЛОВИЕ
ОТ
ГОСПОДИНА ВИЛЬГЕЛЬМА
ПУБЛИКЕ

Госпожа публика, ты очень удивишься, что человек моего качества берет в руки перо, чтоб тебе сообщить несколько забавных приключений, кои он видел на улице в Париже: где он может сказать, без тщеславия, что он ездил столько, сколько в свете обращающийся человек в состоянии объездить.

Хотя я теперь добрый мещанин подле Парижа, однако не мешает, чтоб я не напоминал себе всегда, что я был площадной извозчик; после того с каретой ездил. Потом был кучером у петиметра, которого оставил я так, а сам пристал к лошадям одной великодушной барыни, которая привела меня в то состояние, в каком я сегодня нахожусь.

В сих четырех службах видел я много вещей, так как я вам сказал сейчас, и то сделало, что я принялся думать сам в себе, как бы мне наложить это на бумагу.

Некрепко держал я в руке перо, по причине прежде бывшего бича, которой ее вывихал; но когда я напишу то, что я желаю написать, то заставлю писца с Убогого дома переписать, коего я знал во время, как я был на рынке, где железом торгуют.

Я знаю то, что я вам сказать хочу, потому что я большую половину видел собственными моими глазами; я, который вас рассказывает, когда я возил карету.

Люди, кои ездят в извозничьих колясках везде, куда ни захотят они поехать, не опасаются ничего; это делает, что не таятся они в известных вещах, коих никак не сделали б пред народом.

Но как есть очень много таких повестей, кои мне вестимы, то я сильно запутался, которой мне начать, а после того, сделало б очень толстую книгу. Я вздумал с Писцом, о котором я вам говорил, что надлежит, дабы не наделать путаницы, спустить для вас четыре, одну после другой.

Во-первых, сперва и одну. Я начну повесть мамзели Годиши, коя с нею случилась в то время, как я стоял в Мазаринской улице у Ледника, с купцовым сыном от Парижских ворот.

После того выпущу вам дело нотариусовой жены с толстым бирженским комиссаром на ярмарке с. Лаврентия, когда я с каретой ездил.

Что ж касается до третьей, то будет повесть господина шевалье Брильянтина, который никогда мне не выдавал иначе моего жалованья, как плашными шпажными ударами во все время, покуль я возил его дилижанс.

И наконец, конечную вы будете иметь госпожи Аллень, моей доброй хозяйки, коя оставила мне, чем жить, с господином аббе Эврардом, от которого видела она свой желтый нос так, как вы сами ее увидите в конце сей книги.

И так сделает четыре любовные приключения. Если эти будет вам по нраву читать, то я вам уделю еще другие, кои не менее будут седые.

ОПЫТ
о
ЗАПИСКАХ
Г. ВИЛЬГЕЛЬМА

**ПОВЕСТЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДЕВИЦЫ
ГОДИШЬ, УБОРЩИЦЫ**

Как в один день после обеда поджидал я в Мазаринской улице знакомого седока, то вот вижу я, что идет ко мне одна небольшая молодая девушка гораздо изрядная, которая спросила меня: Друг мой, что ты с меня возьмешь отвезти меня к Круглому Мосту? Мамзель, сказал я ей, вы меня не обидите. О! никак, говорила она, я хочу порядиться. Изволь, вы мне дадите двадцать четыре копейки, совсем круглую монету... Да, да, как же он забавен с своими двадцатью четырьмя копейками! Тут не больше одного шагу. Я тебе дам двенадцать: возьми, ну, уж пятнадцать, а если не хочешь, то я возьму

одноколку... Изволь, мамзель, садись. Вы мне дадите на попойку... О! уж этого-то нет, не ожидай ничего: и так очень довольны. Однако ж, послушай, извозчик, подыми твои стекла, очень ветрено и (ни малехонько не дуло) это разобьет мою прическу; и тетушка моя подумает, что я была и неведомо где. Вытащил я мои деревянные ставни, и вот мы поехали.

Против самых Театинцов упал один ставень в дверные рамы, и слышу я: Кучер, кучер, подыми свой ставень, который упал.

Во время, как я подымал ставень, прошел тут один господчик, который заглянул в мою коляску, и который тотчас сказал: А! а! это мамзель Годишь! Ах, Боже мой! куда вы так едете одна-одинёхонька? Я, сударь, еду туда, куда я еду; вам до того нет дела, отвечала она. А! когда так, говорил он, то вы правы; однако почувствуйте, сударыня, что девица как вы, которая едет на извозчике после обеда, совсем одинехонька, не ездит в этот час убирать господж.

В этом-то вы, господин Галонет, очень обманулись, отвечала Годишь, и это такая правда, что вот чепчик, который я теперь лишь наколола, чтоб отвезти к одной госпоже, которая поедет в Оперу в верхнюю галерею.

Воистину, эта плутовочка выдернула из-под своего платья чепчишко, который был внизу. И господин, увидя его, сделал ей поклон, смеючись, и пошел.

Что касается до этого, сказала девица Годишь, как он уже ушел, мужчины очень любопытны! К тому ж, для чего твой ставень некрепко держится? Это сын портного нашей масти, который не пропустит пойти везде рассказывать. Это самой злой язык из всего квартала, также и сестры его болтуни; потому что я несколько лучше их обеих одеваюся. Надобно, чтоб я была очень несчастна, что я с ним тут повстречалась! возьми, вот твои пятнадцать копеек; я не хочу больше ехать в твоей

негодной коляске. Ах, Боже мой! что теперь скажут? Если тетушка моя про это сведает, то я пропала! Изрядно, что ж ты стоишь, как деревянный чурбан, сказала она мне, который слушал ее, не говоря ни слова; поезжай же, куда я тебе сказала, пусть что ни будет. Всеко-нечно, надобно, чтоб я свезла мой чепчик; эта госпожа меня дожидается; ступай же поскорее.

Вот мы поехали, и приехали к Круглому мосту, где не было госпожи за туалетом ни в горсти моей руки. Мамзель Годишь смотрит направо и налево и во все стороны. Наконец она мне говорит: друг мой, хочешь ли ты, чтоб я посидела в твоей коляске до тех пор, пока придет один мой двоюродный брат, который должен меня проводить в одно место после того, как я побываю у этой госпожи? Я тебе за это заплачу. Охотно, сударыня, сказал я ей, потому что я имел к ней склонность; и потом, очень мне хотелось видеть двоюродного ее брата, о котором я несколько сомневался, а считал, что он ей такой же родня, как и я.

Чрез добрую большую четверть часа, увидел я большого молодого человека, который шел, тук, тук, от ворот с. Гонория. Я его указал мамзеле Годишь, не это ли ваш брат? Ах, да, право он! кликни его, ведь он не знает, что я сижу в карете. Я побежал за братом, который пробирался по дороге Шейлотской; и я ему сказал: Господин, там сидит мамзель ваша сестрица Годишь, которая хотела бы с вами слово молвить. Тотчас после большого мне благодарения, побежал он к моей коляске, влез в нее, и вот мои люди шептали, как кривые сороки, долгое время. Наконец, сказали они мне, чтоб отвез я их в какой знакомый мне кабак, и что я доволен буду ими, если я захочу дожидаться, чтоб назад их отвезти в Париж, как они поедят салаты. В то же время Господин, чтоб показать мне, что он тароватый человек, сунул мне в руку на счет заднее колесо.

Я хотел отвезти их ко вдове Трофее, но нашли они, что это было очень близко Солнца. Потом я говорил им о Леднике шейлотском, или о г. Лиардше в Руле; но им лучше показался Ледник, куда я их в скором времени привез и выпустил.

Как я очень сомневался о их братстве, то я мигнул хозяйке, которая разумела этот язык столько, сколько было можно, и она их посадила в небольшом кабинете внизу окнами в сад.

Что касалось до меня, то я поставил к месту мою коляску и, как тут много было постояльчиков, то вынул я подушки, которые хозяйка кабака отнесла в ту комнату, в которой был мой народ, чтоб никто их не унес.

Спустя около двух часов, захотелось мамзеле Годишь выйти на воздух в сад; братец ее туда ж пошел с нею, и стали они смотреть танцевания.

Я в это время был с двумя моими друзьями, мне знакомыми, из коих один был солдат малых корпусов, и пили мы кружку вина, евши остаток цыплячья фри-касе, который подали мне брат и сестра в сад с остальной салатой, так что мы не худое кушанье ели.

Как мы недалеко были от танцев, то видел я, как подняли мамзель Годишь миноват протанцевать; потом взяла она своего братца, и стали они вместе танцевать изряднехонько.

Во время, как они не остерегались ничего по причине их танца, вот и г. Галонет, который прибыл с двумя другими молодцами и с двумя девушками. Сперва одна из сих девиц говорила ему, как они шли подле нас: Смотри, братец, вот она танцует с любовником своим Делоном. Ах! сучонка, отвечал он, я ведь очень сомневался; вот как я выпью мою рюмку вина, то и я пойду, подыму ее в мою очередь.

Что было сказано, то было и сделано: эта бедная девка Годишь вся побледнела, а г. Делон стал как полот-

но, когда г. Галонет хотел ее взять танцевать, очень учтиво, шляпа в одной руке, а белая перчатка в другой.

Я очень видел, что хотела она ему отказать; однако я и то также видел, что не смела она того сделать, потому что она танцевала с другим; и что могло бы произвесть шум, как лучше сего не требовал г. Галонет, по его виду, так наиболее что сего не делается, потому что это бесчестно, когда пьют в полном кабаке.

Со всем тем она танцевала ни больше ни меньше, как будто была тому рада, и чтоб показать г. Галонету, сколь мало о нем хлопочет, подняла она опять г. Делона вместо того, чтоб взять из тех, кои с ним прибыли, кои были работники портные, так как это ведется с новопришедшими, кои еще не танцевали.

Девицы, кои пришли с г. Галонетом, из них одна, коей рожа была, как пивной стакан, была его сестра, и другая, у коей были ноги кривые, сели за стол подле нашего, и слушал я, что говорила побитая градом, рассуждая о мамзеле Годишь: Поэтому надобно, чтоб сия маленькая тварь была очень бесстыжа, приехать одной со своим любовником в кабак; я бы не приехала ни за что перед целой свет так, как она делает. Ох! эта, сказала косолапая, это для того, что хотелось ей показать свою прекрасную робу атласную на нитках, которая, думаю, ничего ей не стоит; изрядно, отвечала другая, я об заклад ударюсь, что этот глупец Делон ей подарил, который украл у отца своего. Он прежде сего ко мне хотел подъехать; но скоро увидел, что это не с Годишей дело иметь. Право, такой вонючке, как она, очень пристало носишь робу с выкладкой и мантилию с капюшоном. Я никогда не ношу, а хотя б, то я ведь дочь мастера портного, который есть главный наемщик в нашем доме, а к тому, с тем, что я достаю за мое шитье, от меня только зависит иметь такую же, если б я захотела; однако, эти люди счастливы; батюшке моему очень

хочется весь этот дрязг со двора согнать, к тому ж и тет-ка ее никогда в срок денег не платит. Ах! посмотри-ка, Гого, вдруг она сказала, как же она вывертывается, танцевавши, не скажут ли, что это оперная девушка?

О! что касается до этого, сказала другая, очень бы я досадовала, если б я так танцевала, как она. Ты очень знаешь, Бабе, как мы последний раз были в Грокейлу. Ну, скажи, с такими ж ли я танцевала кривляньями? И если б я при том никогда не училась. Что касается до меня, сказала Бабе, то покойная моя матушка заставляла меня учиться, более трех месяцев, у ярмарочного балетного мастера г. Коленя, которому, право, давали по тридцати добрых копеек за месяц украдкой от Батюшки моего: а ему сказывали, что он друг брату моему, который учит даром.

Сей г. провожал нас по некоторым праздникам и по воскресеньям на игру г. Коленя, что нам ничего не стоило, ни сестре моей, ни мне. Итак, были тут девки, кои на театре танцевали, словно как Годишь. Тьфу, как это гадко для честной девицы! Также я это почитаю за грязь моих башмаков. Пошла, пошла, не бойся, чтоб я ей когда-нибудь первая поклонилась,

Ох, однако ж, сказала Гого, между тем как Бабе отдыхала, как она несколько изрядна, то кажется... Что вы, мамзель, называете изрядна, вдруг перехватила Бабе, чуть было не задохнувшись, знаешь же ты силу в кошках! разве потому, что у ней большие глаза черные? О! разве ты не видишь, что она коса? Если я захотела положить коробочку, то я бы такой же цвет имела, как она. Слушай, Гого, не говори мне об этих носишках приплюснутых; а к тому ж, она всегда сжимает рот, без чего был ли бы он так мал? Должно сказать, что Годишь не худо сотворена; однако ж, она не так высока, как я. Видала ль ты, как она в короткое платье одевается? О, вот такого я терпеть не могу, грубо сказала

косолапая, ничего нет гаже того. Разве ты не видишь, что это для показания своих веретенных берц, подхватила Бабе, и ногу, о которой подумают, что всякий час подломится?

Все то правда, сказала Гого, что похоже на правду; однако это не мешает, чтоб господа не делали ей приятных глаз. К тому ж она, может быть, имеет разум? Ах! тут-то захотела разума. Это не что иное, как только вздор, и без некоторых малых слов, ничего не стоящих, которые те негодные люди любят слушать, как девушки говорят, была б глупее горшка и кружки. О! я тебя уверяю, что со всеми моими рябинами я не променяюсь на нее, промолвила Бабе, приоправя свой стан, а потом вдруг: Боже мой! Можно ль так грудь оголить, как она? Чтоб выказать свой прекрасный скелет. Мне бы очень прискорбно было так открыть грудь, как она; и если б, без хвастовства... Однако, не говори больше об этой повесе, я бы хотела ей о ней рассказать.

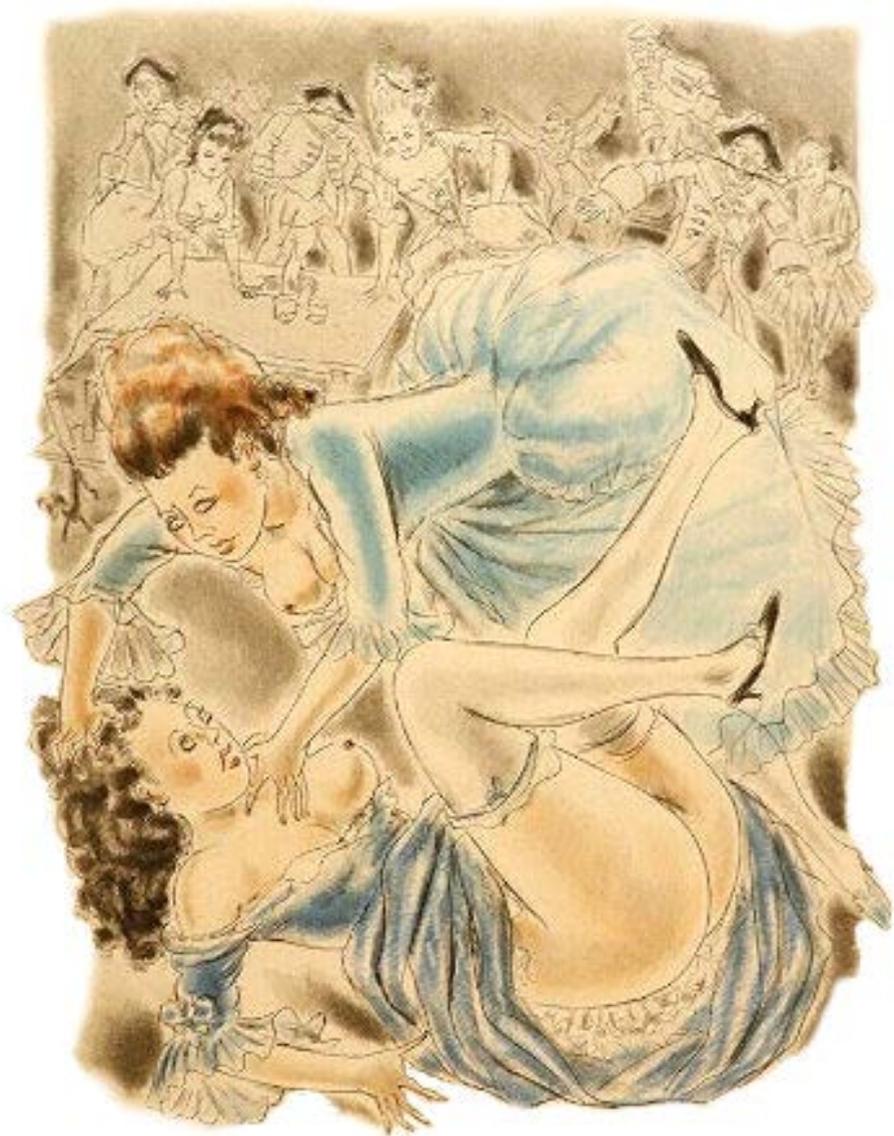
Мамзель Годишь, досыта натанцевавшись, пошла с г. Делоном в свою комнату, но надлежало проходить мимо Бабе, которая чтоб начать ссору, хотела к ней придраться; сказала ей мимоходом, хотя и не намерена была перед тем зачинать с нею кланяться: Здравствуй, мамзель Годишь, как вы в своем здоровье?.. До услуг ваших, мамзель Бабе... Вы это здесь?.. Вы видите, мамзель, так же, как и вы... Я очень рада... Мне это приятно. На вас роба хорошего вкуса, сказала портниха; и ваша, отвечала уборщица, мне кажется изрядного выбора. Не тех ли штофишков, что по пятьдесят копеек? Что до меня, то моя стоит мне по три ливра и пять копеек, и то еще поторговавшись... О! не всякий может иметь так прекрасные, как мамзель Годишь, сказала Бабе, смеючись сквозь зубы. Я отдала сделать тафтяное, и если б у вас не столько было работы, мамзель Галонет, то я бы вам ее отдала... О! я не так слав-

ная швея для девицы, как вы... Ладно, вы изволите шутить, ведь я накалываю ваши чепчики, то и вы можете шить мои робы... Вы уж мне больше не накалываете, все да... Это вам говорить хочется, с такими-то приметам, вы мне еще должны за два или за три... Я, я вам должна за уборку чепчиков? Полно, полно, мамзель, подумайте прежде заплатить моему батюшке срочные ваши семь ливров десять копеек... Это будет на счет, мамзель, это будет на счет... Вы б лучше сделали, чтоб заплатили ваш долг, не жель носишь робу с выкладкой и мантилию... Перестань, мамзель, ведь не на ваши деньги. Право, если б вам не дали, то где б вы их взяли? Ведь от уборки чепчиков столько не достанешь... Потому что вы не имеете довольно достоинств их доставать... Мне б очень досадно было так их иметь, как ты, дерзновенная!... Ты-то бесстыдная...

Мещанка моя не успела выпустить этого слова, как Бабе Галонет, нашед ее точно в меру своей руки, вцепила ей в щеку гвоздичный цветок о пяти листьях, который так щелкнул, как мой бич.

Весь народ, тут бывший, сделался статуями. Один лишь Делон, которой сказал Бабе, что вы делаете, того не делается, и если б ты не была девка, то показал бы я тебе... Какой же ты дурак, мой господчишко, отвечала портниха. Пошел, пошел, я уведомя твоего отца, что ты окрадываешь его, чтоб тратить деньги с такими тварями.

До сих пор, мамзель Годишь разбирала своими глазами оплеуху на своей щеке; но как увидела, что назвали ее тварью, то показала она рябушке, что и у ней язык хорошо висит. Принялась она выпевать ей семнадцать грехов смертных, так что портниха бросилась на нее, сорвала с нее чепчик гораздо скорее, не жель ветер, и топтала его ногами в воде, которая была на земи, так что он был весь в грязи и слюнях.

Потом хотела она кинуться ей в глаза, потому что я очень видел, что имела она большое желание обезобразить ее физиономию, которая не ряба была, как у ней, но г. Делон дал себя царапать вместо своей полевой сестрицы.

В это время, малой Галонет и его товарищи перестали танцевать контраданс, чтоб пойти посмотреть, что там сделалось, и как он увидел г. Делона, державшего сестру его за руки, тогда как она била его ногами, вложил себе он в голову, будто бьет он ее, так чтоб ему в том поперечить, все трое портных напали на него распороть у него швы, а мамзель Годишь кричала тогда, как бешеная.

Тьфу, пропасть! когда это я увидел, то не был я ни дурак, ни сумасброд; а сказал моим друзьям, не допустим таскать моих мещан. Они лучше того не спрашивали; итак, мы напали на сливных едоков, что было им вместо небольшого благословенья.

Наш солдат вытащил свою тесачину, другой тяжелый тростник, а я с моим бичом, мы их потчевали по чем ни попадало, они защищались садовыми скамейками. Влепил я жестокий удар толстым концом моего бича в голову одному, который хотел меня схватить за мягкие места, но он у меня растянулся на земли, как лягушка, и не воротился ни рукой, ни ногой.

Наконец, окончательно между тем, развели нас, конечно, и у кого был глаз всмятку обжарен в черном масле, то было на его счет.

Во время баталии, мой мещанин и моя мещанка убрались в свою комнату, куда мы пришли им сказать, чтоб они не боялись ничего, потому что мы годимся на все.

Мамзель Годишь плакала, как будто всей родни своей лишилась, а братец ее утешал. Он дал нам выпить ви-

на полбутылки пятнатцатикопеечной, которая не стоила шести, но такой уже обычай.

Не было способа, чтоб мамзель Годишь могла вздеть свой кокошник, которой был весь в грязи; но нарядилась она очень чинно в тот чепчик, который везла к госпоже у Круглого моста, так как ничего не бывало.

Как она была очень стыдлива, то мы дожидались, покуль свалит вся толпа народу, а потом, боялась она рябой, которая сказала ей, что она с ней еще не поквиталась, что тетка ее не позже об этом сведает, как сего ж вечера.

Около десяти часов вечера, впряг я моих лошадей, и положил мои подушки, и поскакали мы в улицу Корделиеров, где жила Годишь. Товарищи мои были посторонь меня. После того отвез я г. Делона к Парижским воротам, где он мне дал еще большой талер и двадцать четыре копейки на побои, которые обмыли мы у г. Капеленя.

Очень видно было, что тетка мамзели Годишь пропела ей песенку неприятную, однако ей как в стену горох; потому что я после того ее видал, и возил ее часто с плюмажами и с галунами.

Она с того времени очень меня знала, и всегда имел я с нею попойку потому, что хоть она водилась с людьми высокого штиля, но передо мной она не спесивилась.

ПОВЕСТЬ
О Г. БОРДЕРО, КОМИССАРЕ НА БИРЖЕ,
И О ГОСПОЖЕ МИНЮТИНШЕ

Г. Перигорд, мой земляк, для которого возил я карету, умер, вдова оставшаяся после его, всех отпустила, и так я теперь площадь топчу. Пошел я представить себя к одному моему другу, который отпускал в наем кареты в улице старых Августинов. Как был на мне доброй кафтан, то дал он мне возить один экипаж. Всякий день ездил я после обеда взять г. Бордеро, который был у него один из толстых наемщиков на Бирже, для отвозки его то в ту сторону, то в другую, и почти всегда с женщинами, которые не были б лоскутницы.

В один день отвез я его на конец глухого переулка Оранжерей, откуда вошел он в Тюиллеры, и мы оста-

лись раздобарывать, лакей его и я, о том и о другом, и как он мне часто рассказывал самые тайности любовниц своего хозяина, который имел всякий день новых, спросил я у него, не знает ли он эту, за которой мы приехали, и куда ее повезу? Право, я не знаю ничего, отвечал Лафлиор, так его имя; все, что я знаю, то сегодня поутру приходила какая-то горничная, которая, выходя, сказала ему, что ее хозяйка будет в Тюиллере в четыре часа вечера.

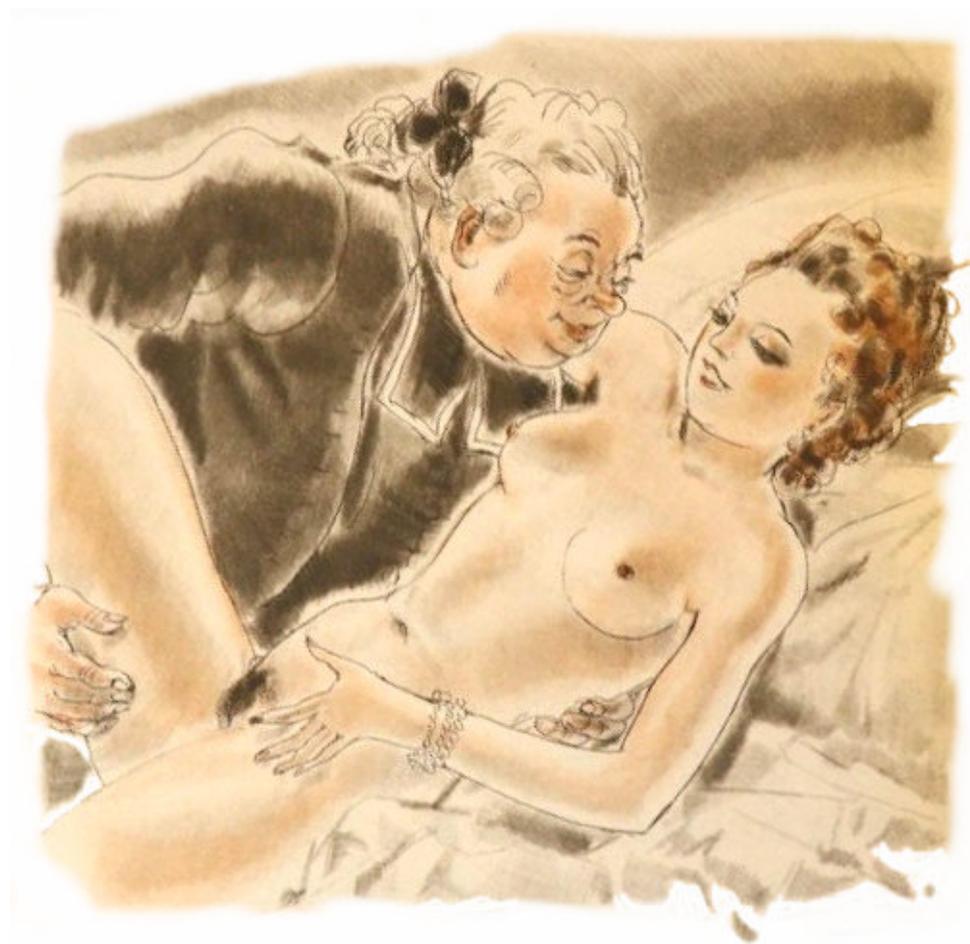
Лишь только Лафлиор окончил, как мы увидели г. Бордеро с двумя женщинами, кои за ним шли, из них одну признал Лафлиор за горничную сего утра.

Когда вошли они в экипаж, не знали, куда ехать. Между тем, наконец, на ярмарку с. Лаврентия, где я их и высадил. После того, как лакей проводил их в игру Комической оперы, пришел он по меня, я приоправился и отдал моих лошадей стеречь; оттуда пошли мы гулять и выпить на ярмарке рюмку вина.

Как игра приходила к концу, Лафлиор подошел искать своего хозяина, а я моих лошадей, потом он пришел ко мне опять сказать, чтоб я не беспокоился, потому что господин Бордеро будет ужинать со своей компанией у Дюбоа; отдал я опять моих лошадей на сбережение, и сам пошел я отыскать его в сказанном месте; потому что тут нет манеры, чтоб лакеи служили за столом.

Мы очень долго дожидались, Лафлиор и я, поужинать остатков, когда они будут за десертом; но мы пропустили сделать Мальтийский крест, как вы впредь увидите.

Госпожа Дюбоа отвела г. Бордеро и этих женщин в залу с завесами в среди сада, и наши ребята изряднехонько покушивали, как прибыл аглинский милорд с девицей Тонтон из Комической оперы, одна из ее подруг и мещанин в компании, одетый в черном. Все эти

также спрашивали ужинать, и поместили их в малом кабинете со стеклами при входе в сад.

Ожидая остатков поужинать, забавлялись мы, Лафлиор и я, выдалбливать бутылку вина, на счет нашего мещанина, в кабинетце подле залы; и в это время г. Бордеро и девица Тонтона, которые имели желание некоторой вещи, вышли каждый из своего места, чтоб сходить в уголок, так что они столкнулись нос с носом при хорошем свете Месяца.

Лафлиор сказал мне, увидя входящую девицу Тонтон, которую Хозяин его имел на содержании и однако покинул ее по причине больших ее затей.

Девица Тонтона узнала тотчас моего хозяина, и говорила она ему так, что мы слышали: Ах, это вы, г. Бордеро, однако ж, вы здесь не одни? Тут ли вы ужинаете? Это очень изрядно для вас, которая из наших сестер в партии? Ведь ты за козами бегаешь. Я не знаю их, отвечал г. Бордеро, с тех пор, как перестал бегать за тобой. Ты очень невежлив, мой толстый друг, возразила другая, и чуть было, для заплаченья за ругательство, какое ты мне делаешь, не приказала я дать тебе несколько палочных ударов. Так вы с каким-нибудь тут волокитой? сказал г. Бордеро. Да, да, негодяй комиссаришко, и ты их тотчас увидишь. Тогда ж стала кричать во все горло: Ко мне, милорд, ко мне! меня обижают.

Вдруг тотчас вот милорд, другая девка и тот господин, кои прибежали посмотреть, что такое. Отмсти за нас, милорд, сказала Тонтона, нищему кассиру, которой смеет поступать со мной, как с подлой, а тебя считает за негодного. Ну же, милорд, ну же, говорила она, пихнув его и, видя, что не трогается он, сказала: Отвесь ему ударов двадцать запором.

Ты дурак, покойно сказал агличанин г. Бордеро, после чего пошел он прочь; но девица Тонтона его оста-

новила, сказав ему: Что ж, Милорд, разве так-то вы поддерживаете славу женщин? Чего же вы желаете, сударыня, чтоб я сделал, выговорил он, хотя бы я всю рожу изрубил этому человеку, но вы навсегда останетесь танцовщицей Комической оперы?

Тонтонна хотела ему ответить, как услышали мы дьявольскую суматоху в зале, в коей били бутылки, рюмки, а блюда летели в сад. Это одетый в черное платье производил столь шумный беспорядок по причине, что был он муж дамы нашего Хозяина. Туда вошли, как он бил пинками по заднице и налагал имена, кои не были ни хороши, ни честны, горничной своей жены, коя, в углу стоя, плакала.

Эта ссора прекратила другую. Сие забавно, сказала Тонтона, коя больше не думала о своем бесчестье, как, господин Минютин! нотариусовы жены перебивают лавочку и у всесветных девок? Это слово подняло мужа как кипучее молоко; он хотел броситься на жену свою; но господин и госпожа Дюбоа, кои опасались со-блазна со стороны полиции, кинулись на него и схватили его поперек, так что не мог он движения делать, а только языком, который произносил прекраснейшие вещи в совете.

Однако, наконец, мало-помалу он утих, потому что госпожа Дюбоа доказала ему гладцей, что он более виноват, нежели его жена, которая в первый еще раз у них, а он к ним ходит всякий день сам третей и сам четверг.

В заключение всей суматохи принесли опять вина и заставили пить мужа и жену, чтоб их вместе помирить. Г. Бордеро сказал свое имя господину Минютину, и предложил ему делать удовольствие на Бирже и в других местах, когда он будет иметь нужду в крепком его сундуке: нимало не имейте подозрения во всем этом, г. Минютин, сказал мой мещанин, ибо, право, поистине, ничего тут худого нет. Третьего дня видел я госпожу вашу супругу в первый раз нечаянно в Комедии, говорили мы о Комической опере, и она сделала мне честь согласиен ехать сюда со мной. Много труда имел уговорить пойти со мной к ужину, который ты разбросал наземь, но надобно заказать другой, ибо, как видно, вы голодны. О! никак, сударь, сказал нотариус, но воистину, если об этом сведают, то я совсем погиб в моем собрании.

Не опасайтесь, полно, сударь, сказала г. Дюбоа, я так сделаю, что девица Тонтона и подруга ее ни слова не молвит. Я знаю, как мне приняться, чтоб заставить их молчать; что до милорда, то он говорить не смыслит,

и ему не поверят, когда женщина, как я, станет говорить противное ему.

Милорд и обе девки вошли уже в их кабинет, не заботясь о нотариусе, как увидели они, что весь мятеж утих, и девица Тонтона, коя не больше имела желчи, как голубь, нашла ужин, приготовленный для четверых превосходительным для троих.

Новый ужин принесен, сели за стол, и как ничего больше не было говорить особливо, то приказали нам, Лафлиору и мне, служить, и какой был у них разговор и примирение, то оное вы тотчас увидите.

Я это писал моим манером, как и остальное, но как всякий говорил в свою очередь, то и сделало мешанину от слов он сказал, он отвечал, он говорил, он промолвил, он продолжал, и так, что я сам себя не узнал. Это много меня беспокоило, но писец мой с Убогого дома подал мне отверстие для избежания смеси, кое было в том, чтоб сии разговоры положить на бумагу вопросами и ответами, точно так, как говорят в комедиях, и так то я сделал. Помните одно то, что говорят только трое, потому что горничная, Лафлиор и я слушали, не прозносая ни слова.

Вот как это начал г. Бордеро.

Г. БОРДЕРО. Право, я очень рад, что свел я знакомство с таким человеком, как вы. Я всегда буду себе правдивым почитать удовольствием, чтоб вам служить.

Г. МИНЮТИН. Вы, сударь, иного мне чести делаете. Я всем сердцем приемлю предложение ваших услуг. Так время жестоко, что никак не можно себя содержать без помощи своих друзей, а особливо в наших чинах, потому-то мы видим нашей братии столько опрокинувшихся.

Г. БОРДЕРО. По крайней мере, то правда, что вы говорите, г. Минютии; однако также сказывают, что вы очень высоко нос поднимаете.

Г. МИНЮТИН. Как же иначе изволите сделать? Не должно ли поддерживать благородство? Знаете ли вы то, что нас разоряет? Это расход наших жен.

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Носеночек мой, я не должна быть включена в это число.

Г. МИНЮТИН. Так же, как другая, госпожа Минютинша, так же, как другая.

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Разве хочется вам, чтоб я одевалась так, как прокурорша?

Г. БОРДЕРО. Как это гадко.

Г. МИНЮТИН. Надобно по своему состоянию. Мне кажется, вы больше не вспоминаете о том, что мы были.

Г. БОРДЕРО. Я бы очень рад был сведать об этом. Если вам не трудно.

Г. МИНЮТИН. Нимало. Я не из тех людей, кои скрывают то, что они были, по сделании своего счастья.

Г. БОРДЕРО. Это славнее для вас. Пожалуй-ка, расскажи нам немного вашей истории, г. Минютин; я прокладываю сто пистолей, что она заставит нас смеяться.

Г. МИНЮТИН. Пусть так будет, зачну ж я вам рассказывать.

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Нет, нет. Пусти меня рассказывать господину...

Г. БОРДЕРО. Да, я думаю, что это забавнее будет, как она расскажет.

Г. МИНЮТИН. Так ин дать ей пользоваться ее преимуществами в желании по парижскому обычаю.

Г. БОРДЕРО. Я вас, Господин Минютин, люблю в таком нраве... Я считаю, что мы вместе наделаем много хороших дел. Потому что я бываю иногда годным на закуску, так как вы меня видите. Нут-ко, за наше здоровье, это много все говорить, не пивши. Вино как вода. Начинайте, сударыня: я слушаю всеми ушами.

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Нечаянный случай нас одолжил нашим счастьем; прежде замужества моего была я простая подлая девка, работая в лавке у модной торговки в улице с. Гонория. Я имела, как вы видите, лицо довольно сносное, что было всей моей надеждой. Г. Минютин тогда был канцеляристом в Судебной Палате. Лавочная девка и подьячий скоро сводят знакомство. При первом свиданье с сим господином, любовь заставила исчезнуть надеждам, какие основала было я на моих прелестях. Оба мы свободны и, не имея никого, кому б давать отчет в наших делах, мы считали себя полномочными располагать себя, как хотим. Я оставила мою торговку, а он сделался банкротом в Судебной Палате, и Аглинский порт видел возженный пламенник нашего брака.

Г. БОРДЕРО. Это, право, очень хорошо сделано.

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Приятности, коими были мы, так сказать, довольны друг другом, не доставляли нам более спокойной жизни.

Г. БОРДЕРО. Возможно ль?

Г. МИНЮТИН. Нет сего вернее.

Г. БОРДЕРО. Если б я в это время вас знал, то бы вы не были в такой заботе; я бы вас доставил к хорошему и прекрасному месту; и были б вы, может быть, таковы, как я теперь. А между тем, я никогда женат не бывал; но я простирался с другой стороны.

Г. МИНЮТИН. Я был очень ревнив к моей жене, чтоб получать прибыль; имел я прибежище к отправлению дел: некоторые из них были неудачны, а иные безуспешны. Наконец сделался я ходатаем за судебными делами. Один ростовщик укрылся у меня с воровскими его закладами; я принял и то и другое; в Судном Приказе о нем проведывали, и одна соседка-болтунья про него сказала. Юстиция пожаловала в мое жилище и захватила человека, а вещи оставила мне. Обвинен-

ный умер в тюрьме, и как он при смерти своей хранил молчание, я нашел себя искусным быть ему наследником.

Г. БОРДЕРО. Ах. Ах! Как хорошо. Это образец поведения, как отдавать поклажу на сохранение.

Г. МИНЮТИН. Жена моя всегда имела честолюбие, и для удовольствия ее вступил я в блестящий корпус нотариусов парижских.

Г. БОРДЕРО. Это похвально.

Г. МИНЮТИН. Да, но она превосходным расходом приводила меня в разорение. Рассмотрите ее одеяние: мещанское ли оно?

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Ты заплатишь бесчестье всему корпусу.

Г. БОРДЕРО. Весьма надлежит: разве не знают, что нотариусова жена уж не мещанка? Откуда вы пришли, господин Минютин, что вы этого не знаете?

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Никогда он не умел содержать своего чину.

Г. БОРДЕРО. О! Друг мой, не надобно допускать съедать шерсть со спины. Я тебе когда-нибудь расскажу про ссору, какую имел я с одним из наших директоров. Право! Я ему дал знать, в полном собрании, что чернила его были не сияющие; не надобно играть мною; когда я во что вступлюсь однова, то не скоро меня сомнут.

Г. МИНЮТИН. Это не вид, употребляемый ею, меня мучит; но то, что выдается она с некоторыми людьми, кои не нравятся мне.

Г. БОРДЕРО. О! Это совсем разница.

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Ах, однако; господин Минютин, вы никак не думаете; я никак не могу заключиться ни с моею, ни с твоею роднею; ибо мы ее не знаем. Я вожусь с равными мне людьми. Видал ли ты когда, например, чтоб я тебя обесчестила, таскаючись с прокурорами, со стряпчихами?

Г. МИНЮТИН. Я знаю, что вы себя не доведете до канальства; я не жалею на тех людей, с которыми вы видите, но на образ, с каким ты поступаешь.

Г. БОРДЕРО. О! Это иное дело.

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Что ж такое в моем поведении находите достойного выговора?

Г. МИНЮТИН. Иль вы за ничто считаете, чтоб ходить соблазнительно по спектаклям, по гульбищам с мускетерами и с аббеями.

Г. БОРДЕРО. Это уж несколько сильно.

Г. МИНЮТИН. Казаться в публике с такими людьми, значит хотеть прослыть веселушкой; а мы ведь обявзавшиеся честь хранить.

Г. БОРДЕРО. Он правду говорит.

Г. МИНЮТИН. Дома, сударыня, дома с ними видайся.

Г. БОРДЕРО. На это можно что-нибудь сказать; однако дойдет до того со временем. Есть ли что еще у вас на сердце?

Г. МИНЮТИН. Господин Бордеро, друг ли вы мне?

Г. БОРДЕРО. Тронь тут.

Г. МИНЮТИН. Надобно ж открыть вам мое сердце. Не столько ревнив, как разорен. Я еще показываю в публике мою пышность, но скоро увидят меня в большом упадке.

Г. БОРДЕРО. Так мы, друг мой, тебя поддержим.

Г. МИНЮТИН. Я бы совсем не имел нужды в помощи друзей моих, если б госпожа Минютинша захотела соединить свои доходы с моими,

Г. БОРДЕРО. Ха, ха, разве и она также производит приказные дела?

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Что вы изволите говорить?

Г. МИНЮТИН. Вы меня разумеете: ваш пансион не может быть достаточным для ваших удовольствий

и для вашего платья. То надобно, чтоб деньги вам приходили откуда-нибудь с другой стороны.

Г. МИНЮТИНША. Я много в карты выигрываю.

Г. БОРДЕРО. Это легко станется.

Г. МИНЮТИН. Согласен; но когда жена входит в игру, то мужу обыкновенно остаются только старые карты да рога.

Г. БОРДЕРО. Пожалуй, перестанем говорить об этом.

Г. МИНЮТИН. Слушай, госпожа Минютинша, я уж не молодец и в известные лета отставляют много предрассуждений. Сделаем общий кошелек: опускай свой доход в ларец за замком.

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Однако, Господин Минютин...

Г. БОРДЕРО. Может быть, вы тут проиграете? Надобно, чтоб в первом этаже учение шло лучше, нежели в самом исподнем. Можно сыскать способ вас согласить; приносите в ларец доход от двух учений; и господин Минютин держать будет домовый расход.

Г. МИНЮТИН. Ничего нет такого, чего б я не сделал для поддержания чести нашего корпуса. Согласна ль ты в том, моя супруга?

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Быть по сему.

Г. МИНЮТИН. О! Как же я спесиво буду смотреть на мою собратию.

Г. БОРДЕРО. Не берегите ж подлинника сего акта, по крайней мере, чтоб какая мешанка не взяла тщеславия достигнуть до чести нотариуства. Впрочем, друг мой, господин Минютин, всегда надейся на меня. Надобно, чтоб я при первом случае пришел к вам запросто съесть баранью ногу.

ГП-ЖА МИНЮТИНША. Мы вас не обесчестим, кушавши с подъячими.

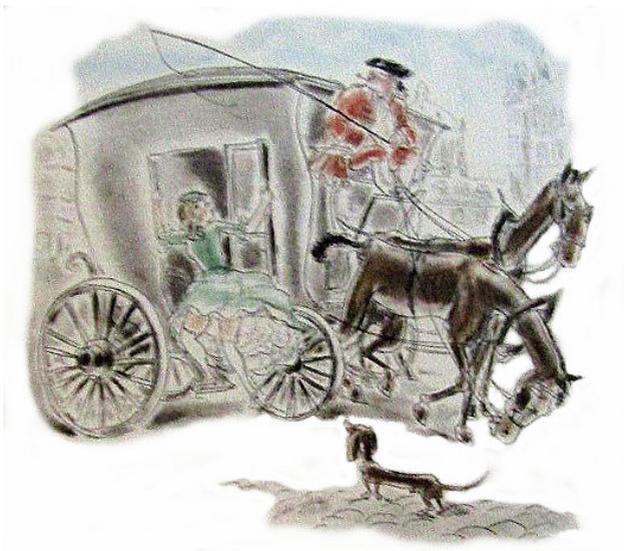
Когда все было в порядок приведено тем образом, как я вам сказал, тогда было час за полночь, что заста-

вило господина Бордеро спросить счет, по которому заплатил, не торговавшись; Дюбоа спросила у него, не этот ли господин заплатит за разбитые бутылки, рюмки и тарелки? Какая нищета, сказал г. Бордеро, идти ломать голову сему честному человеку; сколько за все это надобно? По совести, отвечала г-жа Дюбоа, для другого стоило бы это пятидесяти франков, но, как вы плотитесь, то я довольна буду двумя луидорами, и это настоящая цена, вы понимаете, что я лишку не беру.

Господин Бордеро отдал два луидора, сели в карету, и я развез их всех по их домам.

После того часто я возил госпожу Минютиншу и господина Бордеро в маленький его дом в предместьи с. Антония, куда пришел Господин Минютин по их ввечеру, и ждал до того, как на утренней заре мой посадский тихонько ушел, чрез что увел у моего хозяина около месяца найму за карету, и мне на попойку. Я думаю, что господин Минютин пошел его искать, где он был; потому что он переменял свое жилище, так что он не оставил ничего, кроме драных бумаг.

ПОВЕСТЬ О ДОБРЫХ СЧАСТЬЯХ ГОСПОДИНА ШЕВАЛЬЕ БРИЛЬЯНТИНА

Один из друзей моих, который был кучер-мещанин, предложил мне в один день, чтоб я вступил в службу к господину шевалье Брильянтину возить его дилижанс, и я на то подался, потому что я не знал, чего стоит аршин. Это самая пакостная служба, какую можно вздумать.

Всегда я помнить буду, как одним утром полнехонька была его передняя заимодавцев, из коих одних награждал он палочными ударами, других потчевал пинками в задницу, так как будто, по его приказу, пособил я выгнать их со двора долой. Из них пять или шесть человек схватили меня на улице, где они убрали меня, как дитя из хорошего дома. В прибавок тому дал он мне на мою долю несколько шпажных ударов плашмя, за

что я его оставил, и потом убирайся, а лошадей води кто хочет.

Сначала, как я вошел к нему в службу, не знал еще, как поводится у него в обряде; почему однова, как он вышел из Оперы, и как много было людей у дверей, то он мне закричал очень громко: к маркизше. К какой маркизше, сказал я ему? К маркизше, у которой я обедал, отвечал он.

А! сказал я ему, в Валторновой улице, теперь я знаю, куда ехать. Этому ответу засмеялись все, кто тут ни был, однако ж не знали, что это была портниха. Нужды нет, но, выходя из карсты, посулил он мне двадцать палочных ударов, как домой приедет. Я их не считал, но если б допустил я его сделать суматоху и как он... побей черна немочь... Однако это выучило меня жить. Назавтра камардин и лакей рассказали мне про его поведение, и я уж не был больше подцеплен.

Господин шевалье имел трех или четырех бабенок, как уборщиц, так и портних и иных, коих он делал маркизами и графинями при людях. Их покои были всегда в четвертом жилье. Не было обойщика, который бы умел лучше его убрать комнату, и так дешево. Из бергамской истории сделает он вам обои ткаными, из соломенных стульев штофные кресла. Кафтаны и алмазы не больше того ему стоят; можно сказать, что это прекрасной инструмент, какой есть язык его.

Впрочем, он в том уверил всех людей, а иногда играет он весьма забавные игры, что не можно удержаться от смеху: тотчас вы увидите.

В один день, как ужинал он в предместьи с Германа со многими своими друзьями, Ларош, камардин его, пришел ему доложить в половину ужина, что я стою внизу с маленькой серой каретой и с ночными его лошадьми. Тотчас он сказал тихонько, так что весь стол услышал, одному из этих господ, что он едет на свида-

ные и чтоб они все-таки веселились, ожидая его, потому что меньше часа довольно будет для его дела.

Севши в карету, сказал он мне: На Болото, во всю скачь; а я его обыкновенно возил очень скоро. Однако на выезде из улицы остановил меня, сказав мне, чтоб я ехал шажком на Телячий рынок.

Как приехали мы туда, то вышел он посмотреть, с которой стороны ветер дует. Что до меня, то я не знал того, что он тем хотел сказать. Как увидел он, что ветру не и было, то принялся он всклокачивать все свои завитые волосы, причесываться своими пальцами, одним словом, он растрепался наилучше. Потом расстегал все пуговицы, и опять застегивал их накриво, опустил чулки, измял манжеты, расстегнул одну запонку, конец носа нарумянил, сорвал у себя со лба мушку; наконец сделался так, как будто возвратился с грабежа.

Как эта возня продолжалась около получаса, то опять вошел он в карету; и приказал мне потихоньку ехать к тому дому, в коем были те господа, а за сто шагов поскокать, что есть мочи; и вскакать на двор. Лакей его Лафранс сказывал мне, что вошел он в комнату весь запыхавшись, и что сказал он своим друзьям, что не без большого труда ему было, как они сами его видели, привести к концу герцогинишку.

Он делал сто обманов сему подобным, которые принимаемы были за чистые деньги. Однако случилась ему одна пакостная передряга с настоящей президентшей деревенской. Это самое возвышенное доброе счастье, какое он тут имел, если б так хотели называть доброе счастье по причине, каким образом это поворотилось. Если б добром оно кончилось, то господин шевалье не преминул бы тщеславиться, и как он делал портних герцогинями, то сделал бы он госпожу президентшу по крайней мере королевой.

За всем тем, каков ехал, таков и погонял, потому что госпожа президентша походила на него почти во всех его обрядах, и она бывала несколько раз при дворе, когда все люди туда ходят смотреть, как играют воды в день с. Людвига, и Процессию голубых лент. К тому ж, как она видала знатных герцогинь и иных господ в Операх и в других местах, она переняла легкие манеры.

Они оба друг друга уверили, что из пузырей были фонари, так что госпожа президентша обещала приехать в один вечер отужинать в маленьком домике у господина шевалье. Она было хотела, чтоб это было в собственном ее доме, потому что в нем все было употребительное, принадлежащее до свидания; но ссудила она им одну из своих приятельниц, которая поступала так, как будто был он ее собственный.

Госпожа президентша приехала прежде его, как это употребляется в нынешние дни. И как прибыл господин шевалье, то сели они ужинать один на один, как будто шпажники. Что до меня, то я, выпив два глотка одной рукой и столько ж другой, пошел немного подремать в саду под доброй звездой.

Близ доброго часа было, что я не открывал своих глаз, как разбудил меня слух двух голосов, кои говорили подле меня. Так было светло, как в печи, однако я очень распознал речь господина шевалье, который уверял госпожу президентшу, что не любил он так никого, как ее. Шевалье, отвечала она ему, вы на многое отваживаетесь, человек так рассыпанный, как вы, должен чувствовать большие страсти; это правда, говорил мой хозяин, и я не такой дурак, чтоб в том не согласиться; но я вам клянусь по чести, что я никогда не был так живо влюблен, как в сей час. И вот точно, сказала президентша, этой-то живости я и опасуюсь. Небезызвестно тебе, шевалье, что я вдова, и еще очень молода, почему страшусь отдавать в пересуживание честь мою. Я вам

клянусь, продолжал мой хозяин, что она ни в какой беде со мной не будет, и я умею ее сохранить. Полно, моя королева, перестаньте сопротивляться, сдайтесь наивлюбленнейшему из всех мужчин.

Кончился тут разговор на малое время, потому что чрез минуту после сказала госпожа президентша вполголоса: Ах! но, шевалье, ты нимало не думаешь? Ты, видно, считаешь меня за подлую девку... Ты не имеешь никакого рассуждения... Пойди прочь, это ужасно... Я вас уверяю, это против воли моей... Ты меня уморишь... Нет, право, я тебе никакой помощи не подам... Ты очень имел причину говорить, что честь моя никакой беды с тобой иметь не будет... Ступай туда, откуда пришел... Ты великий невежа... Так не поступают с женщиной моей знатности.

Очень я увидел, что президентша отклеилась от г. шевалье, ибо она спросила свою карету и несмотря на все то, что хозяин мой ни делал, села она в нее и оставила его тут с коротким его стыдом.

Это приключение наделало ему много затруднения, и как он сверх того имел нужду к деньгах, поехали мы в окрестность Орлеана, где он имел земли для собрания денег. В этой деревне была молодая девушка очень прекрасна, которая жила в Париже долгое время у крестной своей матери, коя держала ее по дружбе у себя. Но как она умерла, то Жавота назад приехала к своей матери для житья с нею, что ей мало нравилось.

Ларош, который был проворен на комиссии, лавировал около этой молодости, чтоб ввести ее в сети своего барина. Он ее уверял, что если она захочет выйти за него замуж, то он возьмет свою отставку от камердинерства, чтоб быть надзирателем дома или ехать жить в Париж, нанимая убранные комнаты.

Девка, которая была не дура, лучше любила одно, нежели другое, потому что в Париже гораздо вольнее, не-

жель в деревне. Со всем этим она очень видела, что он, может быть, имел желание ее обмануть, почему она ни половине его речам не верила. Видел я Ларошево плутовство; хотелось было мне открыть Жавоте тайные сети, в которые хотели ее запутать; но я также боялся, что если сведает об этом господин шевалье, то рано или поздно он мне выместит. Я не знал, как мне за это приняться, как в один день, когда я был в Зверинце, сам не знаю зачем, увидел я идущих Жавоту и Лароша, который шел позади ее. Я следовал за ними волчьими шагами даже до небольшого места, где они сели на траве; я спрятался за кустом, откуда слышал я весь их разговор, который вот слово до слова точными речами, как я его в памяти удержал.

Ларош говорил ей: Для чего не хотите верить тому, что я вам сказывал о милостях, какие мне оказывает мой барин? Он меня никогда не оставит в недостатке; он мне и вчера еще говорил, что ежели я буду иметь честь на вас жениться, то он не хочет, чтоб я оставил его службу, как я имел намерение. Он полагает, чтоб вы жили здесь в господском доме. Вам покои уже назначены. Они во флигеле налево подле рощи, потому что находит он за нужное, чтоб я жил подле его, и натурально, чтоб вы были тут же со мной. Однако ж мы будем иметь отделенную комнату, наконец чтоб я находился ближе к моей должности, и чтоб не перерывать вашего спокойствия, когда он нечаянно будет ночью иметь во мне нужду.

Сии меры, отвечала Жавота, которая видела ясно то, что было, изрядно расположены. Я думаю, если б кто их расстроил, то бы великую вам сделал досаду. Этому не бывать, сказал на то Ларош, разве со стороны г. шевалье, которой достоин всякого рода почтения. Если б вы знали, до чего простираются его ко мне милости, с какой он дружбой уверяет меня, что он хочет старать-

ся о моем благополучии. Вы увидите, вы увидите, с каким он видом за это возьмется. Я уверен, что вы удивитесь. Ни малехонько, сказала Жавота, я это понимаю, и вы заслуживаете сие благополучие за все ваши угождения; однако, скажите мне об одной вещи: как я буду твоей женой, то не должна ли буду также из моей матерой земли доставлять угождение?

Думаю, что я вас понимаю, отвечал камердинер, немало усмехнувшись. То, какое мог бы он от вас потребовать, не должно вам причинять никакого беспокойства в рассуждении меня. И хотя очень много вас люблю, однако довольно имею рассудка, чтоб отдаться в общее заблуждение. Нет, нет, я не сотворен тем, чтоб вложил я себе в голову, что вы не можете никому понравиться, как только мне. Был бы муж смешон, если б захотел он, чтоб его жена была красавицей только для его глаз. Ах! Я вас понимаю, отвечала Жавота, вы такой человек, который согласится на известные небольшие предприятия, какие господин шевалье мог бы иметь надо мной. Лучшие имейте обо мне мысли, вдруг подхватил Ларош. Впрочем, я надеюсь, что можно, не согрешая пред строгой благопристойностью, пропускать сотни таких малостей, кои не стоят, право, чтоб думать о них, и за которые, однако ж, простые мужья озлобляются. Я вам растолкую: на пример, я вас положу вышедшей замуж; г. шевалье вас видел; он знает, что вы прекрасны, и увидит он то гораздо ближе, когда мы будем совокуплены. Мне известно, что он большой краснобай, да и все тут. Добрый господин не требует больше сего: он станет вам рассказывать лестные слова о вашей красоте, о ваших приятностях, да и сам не знаю о чем? О тысяче вещах, которые часто и у мужа вырываются. Итак! неужто я дурак, чтоб сердиться за то, что он учтив, ласков? И за то, что находит он вас по своему вкусу? В этом я не виноват. Я этого ему не говаривал, да

и виду не делал. Между нами, не очень ли бы я худо поступил, если б стал ревновать за безделицу, сказанную тебе мимоходом? Безделица, которая, действительно, не наносит никакого удара; лишь волокитины слова, какие всякий бы вам сказал, кто б вас ни увидел; потому то, что я о нем говорю, скажу это обо всем свете. Мужчины сделали себе привычку улещать любовными словами, а женщины жадно ими насыщаться. Для чего такой силе противиться? Учрежденному употреблению и, так сказать, всеми принятому? Истинно, сударыня, это было бы предаться посмеянию веселого сердца. Если так, как я думаю, то я буду властвовать над сим пунктом моего домоводства. То есть, отвечала Жавота, вы считаете иметь всю власть, а мне оставляете на подел бесчестье.

Бесчестье! сказал Ларош, выражение очень обширно, которое всякий толкует на свой манер, и коего прямо никто не понимает, чтоб захотеть дать ему большее пространство. У меня разума не больше, как у другого; однако хороший рассудок научает меня мало уважать вещь саму по себе нелепую, которая, будучи действительной, не производит никакого существенного зла. Впрочем, есть люди гораздо глупые, кои составляют и рассказывают привидения, рождающие другие привидения, что более человек показывает, что он дурак, то менее таким почитается. Не лучше ли наблюдать свои выгоды? Как! Потому, что угодно было некоторым безмозглым головам сделать женщин хранительницами того, что называют нашей честью, надобно кричать: разбой, грабят, если ли они когда из рук его упустят! Хотят, чтоб я пошел требовать справедливости в той беде, какой я никогда бы не чувствовал, если б мой сосед, коему ни малой до того нет нужды, не вздумал вместо меня жаловаться.

Вашего сорта мужа, сказала Жавота, долженствовали б заставить сие нравочение напечатать. Не думаете ль вы, промолвил Ларош, что женщинам было бы обидно сделать вспоможение на его печатанье; они тут столько ж, да и больше имеют пользы, нежели мы. Я это вам докажу, прибавил он, останавливая Жавоту, которая хотела уйти, ежели вы изволите минуту меня послушать со вниманием. И, не дождавшись ее ответа, он продолжал:

Когда вверяли мы вам под сохранение нашу честь, мы знали, что худо вы ее защищать будете, и чрез очищение дурачества; да, дурачества, это слово очень пристойно; мы употребили все хитрости, могущие послужить против неприятеля, коего известны бодрость и неустрашимость. Мы очень знали, что вы поддадитесь малейшим усилиям, но мы захотели себя назначить в том случае делать вам выговоры, какие заслуживает наша невоздержность. Мы делаем еще злее, больше ко стыду нашего пола, нежели вашего, когда мы вас победим; тогда мы вами ругаемся в виде недостойных победителей; мы веселимся вашим поражением, как будто мы ничего не теряем с нашей стороны. Согласны ль вы, сударыня...

Вот этого довольно, сказала Жавота, прочь уходя, я больше слышать не желаю. Ларош еще хотел было ее удержать; но она так на него гаркнула, как я очень видел, что нечего было ему делать; это-то заставило меня взять смелость предложить ей, что я хочу на ней жениться для меня одного.

Не долее ждал я, как того же вечера нашел я ее одну, и напрямик выляпал я ей то, что у меня было на сердце касаясь ее, а она меня ни внутри и ни на дворе поставила, так что я имел добрую надежду, к тому ж еще не знала она, что я нечто имел выигрыша себе в Париже, кое сберегал я, возя кареты, так что это делало

небольшое сокровище, очень прекрасное для девушки, которая ничего не имела.

Два дня спустя девица Жавота, по своей милости, сказала мне, что скоро она и с матерью своей поедет в Париж стараться искать хорошего места, то ежели я хочу, приехав, там их найти, то мы поговорим о своих делах.

Что было сказано, то и сделано; на другой день после их отъезда пустился я следовать за ними на своем на двоим без копыя, попрося наперед у г. шевалье денег и моего отпуска. Он мне тотчас отдал один, а за другим я еще и теперь таскаюсь.

Это не помешало нагнать мне людей моих в Монтлери, откуда мы прибыли в Париж к одной прачке, мне знакомой, где Жавота и мать ее были приняты очень хорошо.

Как никакого места не можно вдруг найти, то мамзель Жавота и мать ее были несколько времени на моих руках, так что мой кошелек выходил помаленьку. Наконец предложил я женитьбу, и как мать видела, что я стою ее дочери, то в пятнадцать дней все было устроено. После свадьбы теща возвратилась домой, а я нашел место, о котором хочу говорить, куда и наша жена потом вступила.

ПОВЕСТЬ О ГОСПОЖЕ АЛЕНЬ И О ГОСПОДИНЕ АББЕ ЭВРАДЕ

Это было совсем без хитрости и нечаянным случаем, что я вошел в службу к сей госпоже. Как она в один день ехала по Новому мосту, то извозчик зацепил так сильно за ее карету, что кучер ее упал наземь, не могши больше влезть на козлы. Как я тут был присутствен моей особой, то и предложил, что я сяду на козлы, что и было принято. Кучер ее, не могши после своего падения больше править лошадьми, сделала она его своим воротником, а я заступил его место.

Это была добрая госпожа, вдова бездетная, около сорока двух лет, которая бывала прекрасная женщина, и имела еще хорошие остатки.

В доме был г. аббе Эврард, который все управлял. Он был жирен, как монах, и если между тем кушал он только ножки; но лицо его было свежо и красно, как

розовый цветок, по причине хорошего бургонского вина, которое он пил для укрепления своего желудка против молитвенника; он не имел ни на своем платье, ни на своей касторовой шляпе ни малейшего нечистого пятна. О! это был человек весьма чистоплотен.

Сперва, как я его увидел, взял его в друзья, потому что имел он вид весельчака, однако впоследствии нашел я иное пропеть.

Когда вступают вновь в такой дом, то не знают его поведения; это заставило меня, что я в один день заплатил за вино воротнику, от которого принял я лошадей, чтоб наконец рассказал он мне все обряды и вдоль и поперек.

И так он мне сказал: госпожа Аллень есть наша хозяйка, наилучшая в свете женщина, когда ей не противоречат; потому что г. аббе натвердил ей, что не надлежит, чтоб служитель говорил нет, когда господин сказывает: да, хотя бы хозяин и неправ был; потому что слуга не годится, когда он разумнее своего господина.

Что касается до г. аббе, то он был, как я его видел моими глазами, толстый кум, имеющий столько разума, что одна лишь только барыня могла несколько разуметь из его разговоров; он всякое воскресенье и в праздники целому дому толковал закон или сказывал проповеди, не веля идти в приходскую церковь, ибо г. Эврард говорил, что попы не знают, как надобно, хорошего закона.

Госпожа Барба, прежде бывшая няня госпожи Аллень, почти ничего в доме не делает, потому что она стара, а только всякое утро носит бульон к г. Эврарду, и варит для него шоколат, когда он с постели встает, а после обеда подает ему кофе; и барыня не хочет, чтоб она работала что-нибудь своими пальцами, а только б ему служила.

Девушка Дусиор, горничная девушка, все делает то, что надлежит около боярыни, выключая нагревать зимой грелкой постелью г. аббе, когда бывает холодно, и прикладывать грелки, налитые горячим салом, к обеим берцам, и оловянный его шар с кипящей водой к ногам, как он ляжет в постель.

Г. Кули, повар, имеет приказ готовить как можно лучше фрикасеи, а особенно супы, ибо г. аббе говорит ко всякому делу, что хороший повар делам хороший желудок.

Теперь нет сахарника по причине, что последний послан со двора за то, что не исправлял своей должности так, как хотел г. Эврард, который умел лучше, нежели он. А выписывают одного из Турса, а другого из Руана, чтоб видеть, который из них будет лучше.

Наконец, окончательно надлежит, чтоб все люди повиновались господину аббе, которой делал все по своей голове, так как шапочники, в доме, в коем он был властелином надо всем, даже касается до денег, без счета и без меры.

Когда я хорошенько все это узнал, то и расположился я так, что больше повиновался господину, нежели госпоже.

Со всем этим, чуть было не согнали меня со двора долой. В один день, как я понавинился, вез я г. Эврарда для взятия воздуха в Веньсанские аллеи. Ехавши домой, захотелось мне скорее другого проехать в воротах с. Антония, мы друг друга зацепили, хотя не так крепко, однако довольно, чтоб разбудить г. аббе, который почивал в карете.

Не успел он домой приехать, как пошел сказывать боярыне, что я великий грубиян, не умею ездить, и надобно сыскать другого помирнее.

Я, который не знал ничего из ничего, был удивлен, когда госпожа приказала меня кликнуть для объявле-

ния мне, чтоб я завтра убирался со двора долой, и что возьмет он другого кучера.

Мне не помешало спросить, за что меня ссылают? И г. аббе отвечал, за то, чтоб проучить меня, как зацеплять, опасаясь, чтоб я не подавил людей, и по причине, что я пьяница, от которого за версту вином пахнет.

Мне досадно было, что за такую безделицу меня ссылают; но наконец, насильно в людях не остаются. На завтра, как шел я вверх в комнату г. аббе и принять мои деньги, вот и жена моя, принесшая мне белье на перемену, и я ей рассказал мое приключение, стоя на дворе. Г. Эврард смотрел на нас в окошко. Госпожа Вильгельмша стала плакать, видя меня без места; а я утешал ее как можно лучше и пошел к г. Эврарду коснуться моих кругляков.

Счет мой был уже готов. Как я мои вытирки положил к себе в карман, тогда г. аббе сделал мне милость, спросил меня: Какая это молодая женщина, с которой ты говорил на дворе? Это, сударь, отвечал я ему, моя жена. Так поэтому, ты женат? Да, сударь, вы этого не ведали, сказал я ему. О! это переменяет положение, надобно иметь соболезнование к тем людям, кои семейство имеют. Сколько у тебя детей? Тот или та, что выйдет на свет, отвечал я ему, будет первый. Это еще в прибавок, что обязывает мою жалость выпросить тебе прощение, сказал он; состояние, в каком находится твоя жена, и нищета, в которую, может быть, скоро вы погрузнете, будучи без места, заставляют меня забыть твои глупости. Ступай, возвратись к твоей должности, я получу тебе прощение. Жена твоя в здешнем ли квартале живет? Нет, сударь, отвечал я ему, она очень далеко живет отсюда. Но, продолжал он, ей очень трудно так далеко ходить? Я чаю, здесь есть вверху одна небольшая комната, в которой можно ее поместить; она

тут скорее получит вспоможение, какого требует ее состояние. Милосердие госпожи Аллень простирается без разбора на всякого рода людей, однако натурально, чтобы ее служители имели преимущество. Я пойду к ней, и стану просить квартиры жене твоей. А ты покуль все-таки вели перенести небольшие твои пожитки.

Я так был переполошен, увидя столько милостей, что я остался как статуя бездыханная, не могши его поблагодарить. В то время, как я все это пересказывал госпоже Вильгельмше, хозяйка наша приказала обоих нас к себе привести.

После многих вопросов и говореньев да и нет, по причине, что госпожа Аллень никогда не хотела иметь у себя женатых, наконец определено было, чтобы жена моя спала в маленькой горенке вверху над г. аббе, а я в моей обыкновенной над конюшной.

Казалось мне по некоторым речам, сказанным мамзелью Дусиор, что не очень она была довольна видеть в доме госпожу Вильгельмшу, но как не требовали в том ее мнения, то должно было ей замолчать. Не помешало это спустя несколько дней нашей жене поселиться; и еще к большей досаде горничной было то, что г. аббе приказал госпоже Вильгельмше кушать в скатертной, а потом, как приходил срок ее родов, то велено к ней носить в комнату, потому что могла бы она себя повредить, ходя вниз и вверх; так что ее весьма берегли.

Я так был рад, видя все сии хорошие образы, что готов был я идти в лед для боярыни, а в огонь для господина аббе, кои так попечительно старались о жене моей и о ее плоде, который был девчонка, родившаяся немного ранее, нежели госпожа Вильгельмша считала; это сделало, что госпожа Аллень дала ей бездельные пеленки вместо хороших, однако г. аббе говорил г. Аллень, что тут нет большого худа, ибо другие будут

служить для первого ребенка, какого иметь будет наша жена.

В доме шло наилучшим образом, где всякий был доволен, выключая девицу Дусиор, которая мне всегда выпускала мимоходом некоторые язвительные слова насчет госпожи Вильгельмши и господина аббе. Однако наконец это било меня, как молотком в голову, так что я за ними долгое время караулил, не видя ничего того, что сказывала мамзель Дусиор, и я очень видел, что она была только болтунья.

В один хороший день считала она, что город взяла, принесши ко мне любовное письмо г. аббе, так как она сказывала и что видела она, как жена моя выронила его из кармана. Она его мне читала много раз с одного конца даже до другого, не понимая тут ничего такого, чтоб было что в нем против моей чести, как ей хотелось; и вы увидите по правде, что ничего тут нет такого, ибо я его кладу вам пред глаза.

«Дражайшая моя сестра.

Наконец я вкушаю, с полною приятностью, плоды новой жизни, коей употреблению имел я честь вас научить и вы готовы вступить в совершенство, коего неизреченныя сладости я вам прославлял. Также с удовольствием усматриваю, что вы не имеее больше тех сухостей, коих лишение прежде сего причиняло вам только несовершенное воспламенение сердца: сухости, заставляющие нас взаимно отчаиваться когда-нибудь достигнуть до сего состояния блаженства, составляющего награждение одиноческой жизни, коей наши величайшие и глубочайшие учителя делают нам прекраснейшее изображение. Однако ж, как я считаю и как я знаю собственным моим опытом, что иногда не худо удаляться от общих правил, я не буду вам много пов-

торять унять те жестокие сражения, кои заставляют вас еще чувствовать сильные колебания внутренних прискорбностей; надобно немного удалиться от рассуждения вышних вещей, однако не упуская его из виду, чтоб придать нечто более к действительности. Впредь спешествуй мне, дражайшая моя сестра, в совершенстве тех приятных восторгов, коих ваша теплота лишала вас до сего времени, несмотря на старания, делаемые мною, чтоб заставить вас вкусить их в совершенной их полноте».

Что ж вы тут находите к изобличению, сказал я мамзеле Дусиор, как она перестала читать? Тут ни одного слова нет такого, как ты изволишь меня заставлять верить. Это поистине хорошая и прекрасная проповедь, и вы хотите, чтоб я жаловался в том, что господин аббе хочет учить жену мою закону! Нет, право, я, напротив, буду им за то обязан во всю мою жизнь живущую.

О! Когда вы так хорошо это понимаете, отвечала она, то надобно дать вам еще одну связку: вы, мне кажется, очень хорошо будете ее носить. Бедный г. Вильгельм, жалко, что у тебя такой тупой разум! Вы не понимаете, что значат эти слова, касаясь вашей чести? Моей чести, отвечал я? Конче твой разум имеет куречью слепоту? Полно, полно, мамзель Дусиор, ежели только так будут говорить моей жене, то я не опасуюсь жить под вывеской ПОПАЛСЯ.

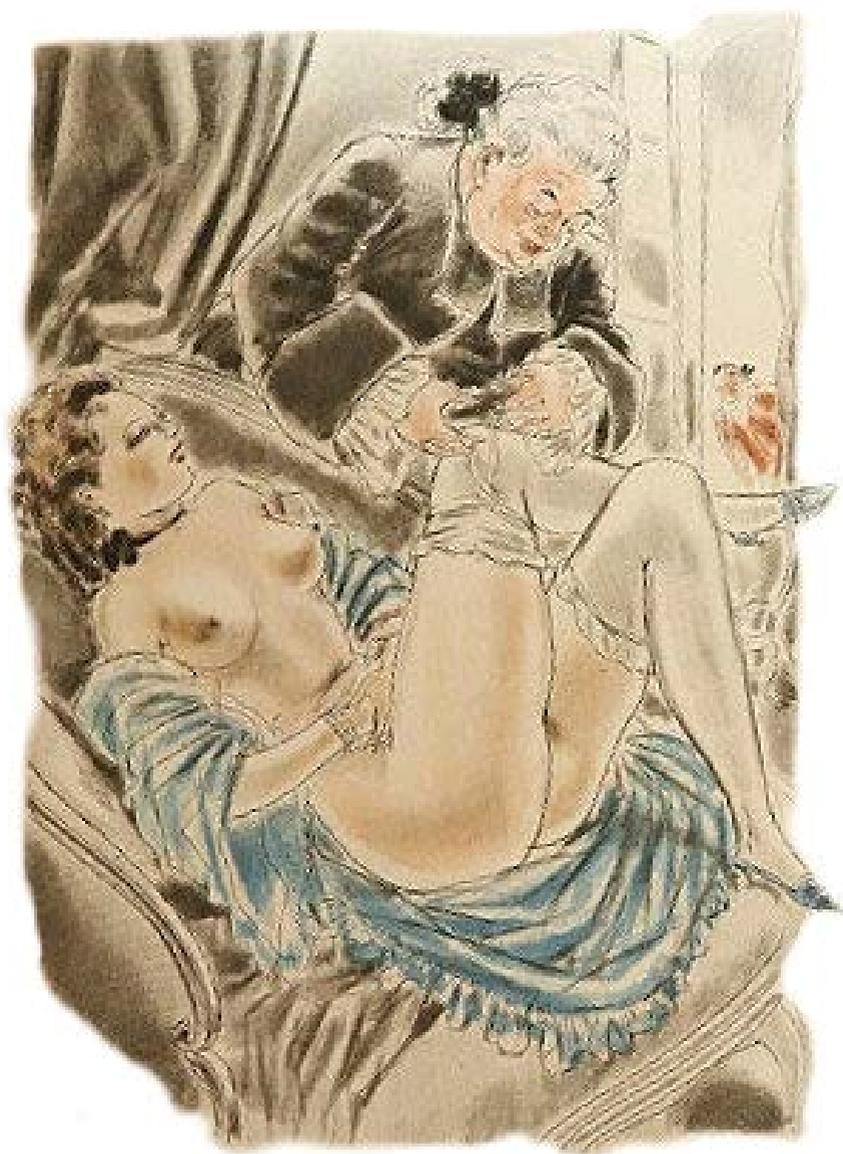
Тем лучше для вашей супруги и для вашего покоя, г. Вильгельм, сказала она мне, но если вы ничего не понимаете из сих слов, то аббе изрядно ей их растолкует. Безбожник! Я не знаю, что удерживает, что я тебя не удавлю... Недостойный! После того, как он мне обещал... И вдруг она пошла, пролив несколько слез, кои подали мне мысль, что господин аббе, может быть, обещал ей больше масла, нежели хлеба.

Около восьми дней имел я это воображение в мыслях, но одна вещь, которую усмотрел я в конце того времени, вложила мне в голову совсем другое как о ней, так и о госпоже Вильгельмше.

Одним утром, как я был в моем овсяном амбаре для шевеленья его, как обыкновенно это делают кучеры, чтобы он не сгорелся, увидел я в окошко из одного угла, в коем я был, г. Эврарда, который находился в шлафорке подле боярыниной кровати, и как он говорил ей очень близко на ухо, так что я не видал рук ни того, ни другой.

Это сделало, что я в некоторой вещи усомнился, с другой вещью, бывшей прежде того, как он оправлял подвязку у боярыни, лежащей на дюшесе.

Это придало мне любопытства, чтобы лучше рассмотреть; но как сделать? В окошке могли бы меня увидеть. Вздумал я сам собой, что госпожа приказывала мне приходиться к себе всякое утро осведомляться, поедет ли она со двора. Это хорошая была выдумка, чтобы к ней вползти, как будто без всякого умысла. Ни одна живая душа не попала мне навстречу даже до самых дверей комнаты, кои были не дотворены; так что я одним глазом видел в противостоящем зеркале только половину происходящего на постели; но в награду за то слышал я все то что было говорено, и это была госпожа Аллень, которая тогда говорила господину Эврарду: Чему я, любезный мой аббе, должна приписывать холодность, чтобы не сказать беспристрастность, которую вы мне даете испытывать с некоторого уже времени? Я холоден! Я беспристрастен! отвечал он; я никогда не бывал более обладан, более прельщен, и более в состоянии отвечать всем милостям, коими вы меня обременяете; и надлежало, чтобы это было так, как он сказывал; ибо не говорили они больше ни тот, ни другая, как только слышны были слова, нашиго-

ванные вздохами и ахами! где я ничего не разумел. И для того пошел я назад, как мамзель Дусиор прибыла, которая спросила меня, чего я хочу. Сведать, сказал я ей, поедет ли боярыня сегодня поутру; но я не смел войти, потому как я думаю, она с господином аббе в важном разговоре, который касается только до их двоих. Что до нее, то быть так, отвечала горничная, осердившись; но что до другого, то он мне заплатит, иль я не девка. Пойди, г. Вильгельм, продолжала она, я велю тебе сказать, если ты будешь надобен госпоже: но всегда учись у меня, хоть слегка, но не должно вверяться маленьким воротникам.

Очень я понял из этих слов то, что мамзель Дусиор хотела сказать как о себе так и госпоже; но я не мог себе вколотить в головищу, чтобы аббе способен был к вещам сего рода между хозяйкой и служанкой, что довольно было бы одной из двух для одного совсем человека; и еще пришло мне то в мысль, что этот змеиный язычишко хотел меня уверить, как будто ребенка, что госпожа Вильгельмша имеет свою долю в лепешке, тем наиболее, как я знал сам собой, что жена моя тут и губ не обмакивала, а потом, впрочем, письмо его, писанное к ней, ничего такого не сказывает, как он говорил госпоже.

Приходя и проходя дни, как говорит иной, наступил между тем наконец, что мамзель Дусиор, зная больше, нежели я, о том, что касалось до нее со стороны господина аббе, который нехорошо поступал с ней в этом случае; и за то довела она это до ушей боярыни, которая чрез несколько времени никакого виду не показывала, чтоб сыграть ей лучше свою игрушку, как вы увидите после этого.

Что касается до мамзель Дусиор, то сказала она с своей стороны, что едет она к своим родителям на свою родину: но были в доме люди, кои очень знали, что она

голубком полетела в голубятню одной повивальной бабки.

Госпожа Вильгельмша заступила ее место горничной при нашей хозяйке, которая приказала ей спать подле своей опочивальни, растворя двери по причине, что с некоторого времени воображает она себе, будто видит по ночам духов, коих она боится, и это было для ее ободрения: ибо не полагалась она на господина аббе, который сказывал, что никогда не бывало с того света выходцев, как только в голове добрых жен. Не очень был я доволен сей переменой, которая помешала мне ходить к жене моей так, как я иногда делывал в маленькой ее горенке. Наконец я сделал моим разумом, что ночью ходил я к ней на постель, как уже она ляжет спать, темной маленькой лестницей, и всегда на самой заре убирался прочь для чистки моих лошадей.

Однако в один день, не знаю, как это могло сделаться, так я крепко заснул, что и не вздумал по обычаю встать на рассвете дня, который видел входящей в окошко, у коего не закрывал я занавесов; как было тепло во всю ночь, то я совсем раскидался, лежа на краю постели, будто зная, что никто на меня смотреть не будет.

Проснувшись, услышал я шастанье в боярской спальне, как будто кто ходит. Тотчас я увидел чрез кроватную ножку, что это госпожа Аллень, будучи в одной сорочке, шла в ту комнату, где я был. Видя себя пойманного, как лисицу во ржи, вздумал я сделаться спящим, и притворился храпеть, не шевелясь ни рукой, ни ногой, покуль сидела госпожа на своих креслах, кои стояли в углу комнаты против самого меня. Знают, что женщина-вдова была уже замужем, и она уж не ученица; это меня заставило так остаться, как я был, не переменяя моего положения, ни делая подобия проснуться, чтобы не иметь труда пред нею извиниться; а сверх того, почтет ли она за грех, что я лежал с моей женой.

Как скоро она вышла, то и я также пошел к своему делу, как всегда бывает, и все прошло в этот день по-обыкновенному.

В следующую потом ночь, хотел я идти видетсья с госпожой Вильгельмшей, но маленькие двери нашел я заперты. Это заставило меня подумать, что так сделано было по приказу боярыни, коя не захотела, чтобы я спал с моей женой. Это не очень мне было приятно. Постучался я тихонько у дверей; но как жена моя мне их не отперла, то подумал я, что теперь она в первом сне; почему и воротился я назад как не солоно хлебал.

Поутру, как я в пять часов с полуночи был у моих лошадей, увидел я в окошке боярыню, которая махала мне, чтобы взошел я по большой лестнице вверх; она отперла сама все двери, и как на мне были конюшенные туфли, то приказала мне она оставить их в передней, чтобы не наделать стуку.

Не знал я, что думать о всем этом манеже: ибо она была только в одной коротенькой исподнице; однако, сказала она мне, если ты мне обещаешься ничего о том не говорить, что я тебе покажу, то будешь иметь случай мною хвалиться. Я все ей обещал, чего она желала, и повела она меня сквозь свою спальню в ту комнату, где спала моя жена, где я видел ее в своей постели и подле ее растянувшегося аббе, которые оба спали крепко.

Сие видение так меня сильно ужаснуло, что когда бы я не обещался госпоже Аллень ничего не говорить, то не мог я произнести ни одного слова. Боярыня моя вытащила меня даже в переднюю, у которой двери заперла за нами, и потом сказала мне: Ну, Вильгельм, что ты думаешь о том, что теперь ты видел? Ах! Сударыня, отвечал я ей, никак я этого не ожидал; оно весьма бесчестно для человека сего одеяния. Может быть, по причине характера не осмелился бы я к нему прикоснуться, но что до жены моей, которая того не имеет,

то я ее вам так проучу, что скоро заговорит она: полно, полно! Из этого ни больше, ни меньше не прибудет, бедный мой Вильгельм, сказала она, а шум, который ты наделаешь, уведомит весь свет о том, о чем хорошо было б, если б он не знал, как для твоей чести, так и для чести моего дома; однако, нимало не беспокойся, я знаю способы, как за тебя отмстить, и сего ж дня увидишь ты, как за сто возьмусь. Окончай уборку твоих лошадей и в десять часов пойдя ты к его преподобию отцу Симону, и скажи ему, что я прошу его прийти сегодня у меня отобедать.

Что ж, сударыня, сказал я ей, отец Симон сделает во всем этом? Восставит ли он мне честь на голову на место той, какую собачий сын аббе тут оставил? Теперь уж вы увидите, я не поверю ни попу, ни черту. Ты очень хорошо сделаешь, отвечала госпожа; я сама их узнала, как тех, так и других: однако все-таки исполни то, что я тебе приказываю, вот тебе моя рука, дорогой мой Вильгельм, что скоро мы избавимся от этого бездельника аббе. Ты будешь иметь удовольствие видеть, как я сгоню его со двора. Вы бы очень хорошо сделали так же со двора согнать и непотребную жену мою, отвечал я ей. Это, может быть, не хуже было б, говорила она, однако, будь терпелив, все пойдет ладно; я надеюсь сыскать способы скоро тебя вылечить от этой болезни, кою ты получил, открыв поведение жены твоей; ты увидишь, что это зло будет к лучшему: прилепись ко мне и я сделаю тебя счастливым; я тебя отставлю от конюшни, а сделаю моим камердинером. Не первая буду я женщина, которая употребляет для услуг своих большого чернобровца, как ты; никому про это не скажывай, а дай мне волю делать. После сего она меня выпустила, а сама пошла в свою спальню.

Справедливо говорят, что ничто так не вылечит всякое зло, как богатство; ибо одна мысль о счастье, кое

обещала мне госпожа Аллень, заставила меня почти забыть то, что я лишь видел: а к тому ж, когда жена ваша способна была так сбиться в сторону, это так сильно уменьшает доброе мнение, какое вы должны всегда о ней иметь.

Я расположился держаться моей стороны, и это было тотчас сделано, потому что я шел от доброго сердца; я ничего больше не желал, как только видеть, как подействует отец Симон, когда он придет обедать, так как он обещался, когда я звал его.

При его прибытии, у господина аббе Эврарда нос длиннее стал на аршин; сели за стол и боярыня нима-ло не заботилась о том, что кривлялся Аббе, который стал подстрачивать монаха во время обеда, а он храбро ему отвечал на все вещи, какие он предлагал для спорованья; но как боярыня взяла сторону его преподобия, против своего обыкновения, то тотчас горчица в нос кинулась Эврарду, который бросил свою салфетку и ушел, как безумный, в свою комнату думать.

Это произвело громкое постыдное приключение, так что все люди тут бывшие, не знали мы, что подумать; но боярыня тотчас на полету мяч отшибла: Вильгельм, сказала она мне, пойди скажи господину Эврарду, когда он так худо чувствует ту честь, кою я ему делаю, сажая его с собою за мой стол, и как он не делает почтенья тем людям, которых я отличаю, то сделает он мне удовольствие впредь не являться к моему столу.

Когда б мне дали денег, не столько б я был рад, как сей данной мне от боярыни комиссии, которую отнес я совсем горячую. Не приказала ль она тебе также, отвечал мне аббе, сказать мне, чтоб я вышел из ее дома? Нет, промолвил я ему, но это может случиться без всякого чуда: когда выгнали из-за стола, то не кладут более быть и в доме. Эти последние слова, мною прибавленные из моего мозга, и по причине хорошей дружбы, ка-

кую я ему оказал, сильно его рассердили, чем я много веселился. Я думал, что станет он меня бить, и хотелось мне того посмотреть; потому что я отдал бы назад ему на спину от доброго сердца те рога, кои приставил он мне к голове.

К вечеру прислал аббе спросить боярыню, изволят ли она дать ему время до завтра для вручения ей отчета во всем том, что он имел от нее; и госпожа Аллень приказала ему сказать, что в том она согласна. И так на другой день отдал он свой счет как хорошо, так и худо; но госпожа была так рада, видя себя освободившейся от него, что и не смотрела пристально за мелочью, которая, однако ж, оставалась важной.

Вещи его тотчас были вынесены, потому что он их не имел, а комнатные уборы принадлежали к дому. Наконец он поехал и не было ни большого, ни малого, кто б не рад тому был, за выключкой госпожи Вильгельмши, которая ничего подобного тому не показывала, однако не меньше о том думала, ибо добрая скотница спустя два дня сквозь месяц провалилась и унесла у меня все то, что я имел лучшего и хорошего, чтоб таскаться за аббе. Надобно, что они далеко убралась; ибо я с того времени не видал и не слышал о них, ниже ветром не наносило, да и я очень мало печалился.

Госпожа Аллень по крайней мере вдвое мне пожаловала вместо того, что жена моя унесла у меня, что меня еще скорее утешило. Приказано мне было сыскать для нее горничную женщину и кучера и я ей обоих вручил за моим выбором.

Хотя не умел я ни читать, ни писать, ни на счетах класть, но взял я в руки ее дела, чтоб править домом так, как делал Аббе, и так все люди называли меня господин Вильгельм, толст, как рука в доме.

Одним утром, как была она в своей постели и как я отдавал ей отчет в некоторой вещи, она мне сказала,

ты видишь, Вильгельм, как я много имею к тебе доверенности; я надеюсь, что ты не изменишь мне, как тот бездельник Эврард. О! что касается до сего, то нет, сударыня, сказал я ей, ибо надобно, чтоб я был великий негодяй, и сверх того, поцеловал я у ней руку, выставившуюся с постели.

Как это! сказала она, ты еще и волокита? О! сударыня, отвечал я, желал бы я быть столько волокитой, сколько вы прекрасны, наконец чтоб вам быть приятным. Но знаешь ли ты, промолвила она, что ты мне делаешь любовное объявление, и что я должна за это рассердиться? А что вам из того прибыли будет, сказал я в мою очередь, оно не будет ни больше, ни меньше, а лучше было б, когда бы вы радовались, а не сердились. Я очень знаю, что человек моей масти недостоин, чтоб вы отвечали на его оказыванье; но если вы имеете ту милость, то вы впоследствии не будете раскаиваться. Я хочу этому верить, отвечала она; или я буду очень обманута, или ты честный человек; однако этого не довольно, а надобно быть скромну. О! не бойтесь, сударыня, сказал я ей, я нем бываю, как карп, когда надобно; после сего она задумалась, а я взял ее руку, потом открыл одеяло в том месте, где была ее грудь, белая, как снег. Отважился я положить палец на одну, потом всю руку, а после обе на обе, как она была все в задумчивости, и не могло это ее образумить, то я осмелился ее поцеловать. Ох! от этого она очнулась: пойди прочь, Вильгельм, сказала она, севши на постель. Ты очень смел, а я очень слаба. Изрядно, сударыня, отвечал я, так оставьте ж работать моей смелости и вашей слабости, это сделает что мы оба иметь будем удовольствие. Нет, отвечала она, я слышу, идет моя горничная женщина; пойди прочь и сверх всего помни то, что ничем не можешь мне понравиться, как только скромностью; а как и в правду горничная пришла, то я, выходя вон, ска-

зал боярыне, коли на этой ноге, то я считаю, что дело мое уж в мешке.

Я ей не сказывал, а делал то, о чем я лишь выговорил, потому как я приметил, что она уже с известного времени имела ко мне добрую волю. Это назавтра гораздо лучше объявилось, так что привели мы все наши флейты в согласие, чтоб жить впоследствии в доброй совершенной дружбе со всех родов обстоятельствами, наилучшими и приятнейшими, так что б кто таков ни был, никто никогда не приметил того, что было.

Таким образом продолжалось это более десяти лет, в кои наградила она меня довольным добром, которым я теперь живу благополучно; после сего времени эта милостивая боярыня скончалась, оставя мне еще несколько вещей по духовной так, как и прочим служителям.

После ее смерти, нахожусь я в деревне подле Парижа, где я выучился у школьного мастера писать и читать книги, кои подали мне охоту сделать одну в мою очередь, как я вижу, что свет в то вмешивается...

Если сии четыре повести не нравны будут публике, то наверно, не противны будут и прочим. Это меня ободрит, и после того что мне помешает попасть в высокие умы? Еще кто знает, что случиться может в свете? Я ведь не толще другого; а притом академические двери не прекрасны ль и не широки ль? Во всяком случае, чем бы могли меня попрекнуть? Что я пишу, как извозчик. Есть много других, которые так же пишут, однако ж никогда они не бывали извозчиками.

Конец.

ИЗВОЗЧИК ПАРИЖСКИЙ И ЕГО ПОВЕСТИ

Первое и единственное до появления данной книги русское книжное издание *Повестей Вильгельма, извозчика парижского*, вышло в свет почти два с половиной столетия назад. Сегодня эта книга, некогда пользовавшаяся скандальной славой, как принято говорить, «известна лишь специалистам». Во Франции, напротив, *Histoire de Guillaume, cocher (1737/40)* выдержала множество изданий и переиздается по сей день. Хорошо помнят и автора книги, человека незаурядного и многогранного — археолога, писателя, искусствоведа, собирателя древностей и превосходного гравера. Его полное имя — Анн-Клод-Филипп де Тюбьер де Гримоар де Петель де Леви, граф де Келюс, маркиз д'Эстерне, барон да Брансак (1692-1765).

Келюс (или, согласно иной транскрипции, Кейлюс) родился в семье гасконского графа и генерал-лейтенанта де Келюса. Его мать, красавица Марта Маргарита ле Валуа де Вилетт, была племянницей госпожи де Ментенон и внучкой Агриппы д'Обинье; ее мемуары издал в 1770 г. сам Вольтер.

После смерти отца Келюс воспитывался у дяди-епископа и в молодости проявил себя во время Войны за испанское наследство. Молодого офицера ждала блестящая военная карьера, однако Келюс решил посвятить себя изучению искусства. Он совершает по-

ездки в Англию, Германию и Италию, сопровождает французского посла в Константинополь и Грецию, позднее продолжает путешествовать по Европе и начинает собирать коллекцию древностей (свое внушительное собрание он завещал Кабинету медалей Национальной библиотеки Франции).

В 1731 г. Келюс был избран в Академию живописи и скульптуры, в 1742 стал членом Академии надписей. Сблизившись с Антуаном Ватто, брал у знаменитого художника уроки рисования и впоследствии покровительствовал многим художникам.

В 1740-1750-х гг. Келюс опубликовал ряд археологических и искусствоведческих работ; наиболее важным его трудом считается частично основанное на собственной коллекции Келюса *Собрание египетских, этрусских, греческих и римских древностей* (1752-1767) — семитомное издание, последний том которого вышел в свет уже после смерти автора. Одновременно он сочинял и публиковал художественную прозу, в том числе эротические произведения и многочисленные волшебные сказки. Широкой известностью пользовался в XVIII в. его перевод *Истории храброго рыцаря Тиранта Белого* Марторея.

Репутация Келюса сильно пострадала в связи с тем, что в свое время он нажил немало врагов, в том числе среди энциклопедистов, не совсем справедливо считавших его дилетантом (Дидро называл его «сварливым и склочным антикваром» и «жесточайшим из любителей»).

В России конца XVIII в., в отличие от сегодняшней, Келюса знали достаточно хорошо: в 1789 г. были изданы его *Верный Колоадр* и *Новые восточные сказки* (три части). Открывала же список переводов книжка *Повести Вильгельма* со странным обозначением места и года печати на титульном листе: «В Большем Успенском Селе, 1000700805 года». Как указывают составители *Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века*, на самом деле книга была напечатана в московской типографии Пономарева в 1785 г.

Весьма интересна личность переводчика *Повестей Вильгельма* — им выступил крепостной Шереметевых В. Г. Вороблевский (1730-1797), участник сатирического журнала *Смесь* и руководитель крепостного театра Шереметевых. Перу Вороблевского принадлежит значительное количество переводов, включая французские комедии и комические оперы, романы и исторические сочинения (среди них первый русский перевод *Ласарильо с Тормеса*).

Перевод *Повестей Вильгельма* никак не относится к творческим удачам Вороблевского. В попытках передать «простонародный

говорок» парижского извозчика переводчик то и дело скатывается не просто в невнятицу, а в прямую околесицу; Н. Губерти и А. Бурцев без обвиняков именуют перевод «безграмотным». Вероятно, книга была переведена в расчете на скандальный успех — что в конечном счете и оправдалось. Однако в советском литературоведении, с той или иной степенью обоснованности и политической ангажированности, делались попытки приписать Вороблевскому и более серьезные намерения. Например, автор статьи о нем А. Кузьмин усматривает в посвящении перевода «московскому извозчику Алексею Чистякову» «вызов традиции, протест против всей эстетики классицизма» и призыв к созданию литературы «третьего рода россиян». «Издав “Повести Вильгельма”, — заключает он, — Вороблевский познакомил русского читателя с неприглядной жизнью Парижа, с миром биржевых дельцов, аббатов и франтов».

Любопытна приводимая Кузьминым характеристика сочинения Келюса, в котором он не усматривает ни сатирической направленности, ни насмешки:

«Автор изображает картины, свидетельствующие о низости буржуазной морали: господин Бордеро разрешает жене зарабатывать себе на наряды у чужих мужчин, лишь бы все это сохранялось в тайне и соблюдалась видимость добропорядочности. В книге показан жирный монах — любовник знатной дамы, употребляющий вместо молитвы бургундское; высмеивается “шевалье Брильянтин”, который выдает себя за светского аристократа и на этом основании не платит долгов, соблазняет девушек и проводит жизнь в кутежах.

Все четыре рассказа в “Повестях Вильгельма” объединены образом извозчика, от лица которого ведется повествование. С живой непосредственностью излагает он перипетии любовных измен и потасовок. Он ничего не осуждает и ничему не удивляется. В мире, в котором он живет, тот, кто не хочет прозевать своего куска, должен быть ловким и небрезгливым. У Вильгельма нет никакого уважения ни к дворянам, ни к духовенству. С большим хладнокровием этот простоватый человек рассказывает об интригах щеголей и аббатов, в событиях, о которых идет речь, он сам принимает участие и всегда оказывается в выигрыше.

Художественные достоинства “Повестей Вильгельма” невысоки, но у автора налицо стремление изобразить жизнь такой, какой она была в действительности. Изображение это не носило сатирического и насмешливого характера, как то имело место у классицистов, для которых “низкий” быт и мир “простых людей” слу-

жил объектом комического изображения. Автора “Повестей” не интересовало, какой человек извозчик Вильгельм — герой рассказов, — хороший или плохой, носитель доброго или злого начала. В “Повестях Вильгельма” существовавший в жизни порядок принимался таким, каким он был, и здесь никто не сетовал на свое тяжелое положение. Однако и эта книга будила сознание читателей. Она повествовала о делах “умеющего жить” извозчика и высмеивала дворян и духовенство»¹.

На наш взгляд, было бы неправильно вычеркивать из *Повестей Вильгельма* комический элемент, не менее и даже более важный для автора, чем эротический; четыре эпизода *Повестей* — в сущности, четыре действия очевидной комедии нравов. В *Повестях* ощущается и другое: это, во-первых, отголоски плутовского романа (вспомним о внимании Вороблевского к *Ласарильо*) и, во-вторых, отдаленное предчувствие городского и «физиологического» очерка.

Повести Вильгельма быстро обрели реноме одного из самых скабрёзных русских изданий XVIII в.; за книгой гонялись и ее зачитывали. Уже в *Опыте русской библиографии* В. Сопикова, выходящем в 1810-х гг., описание книги снабжено пометкой «очень редка». Издание упоминается практически во всех библиографиях редких русских книг (Геннади, Остроглазов, Битовт и пр.); достаточно сказать, что в конце XIX в. цена немногих сохранившихся экземпляров доходила у букинистов до невероятных 30 руб. К тому времени книга уже воспринималась собирателями, если воспользоваться словами А. Бурцева, в основном как «любопытное по своему курьезу произведение». К слову, Бурцев, снабдивший *Повести Вильгельма* уничижительным отзывом («В этой редкой книжке помещены четыре довольно безграмотно переведенные рассказа, предметом которых служат драки, кутежи, ссоры и любовные похождения. По содержанию и переводу эти рассказы ниже всякой критики»), все же счел нужным полностью — хотя и с огрехами — перепечатать «курьез» в *Обстоятельном описании* своей библиотеки².

¹ Кузьмин А. И. Крепостной литератор В. Г. Вороблевский // XVIII век. Сб 4. М.-Л., 1959. С. 145-136.

² Бурцев А. Е. Обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг... СПб, 1901. Т. V. С. 67 и далее.

Книга публикуется нами по первоизданию 1785 г. Орфография и пунктуация текста приближены к современным нормам. Гравюра на обложке взята из книги *Mémoires et réflexions du comte de Caylus* (1874). Фронтиспис и иллюстрации в тексте принадлежат французскому художнику Шему (Р. Серре) и взяты из парижского издания *Histoire de Monsieur Guillaume, cocher* 1936 г.

А. Шерман

ТЁМНЫЕ СПРАСЛЫ

SALAMANDRA P.V.V.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.